

МИХАИЛ СЕРЕГИН

СПЕЦНАЗ **МЧС**

*Спассти и
выжить!*

**БЕЗОТКАЗНАЯ
КОМАНДА**

Михаил Георгиевич Серегин

Безотказная команда

Серия «МЧС»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167331
Безотказная команда: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-28498-6*

Аннотация

В собственном кабинете от взрыва бомбы погиб директор ресторана Пожаров. Его заместителю Ашоту Мачколянну открылась радужная перспектива занять его место.

Казалось бы, бери бразды правления и властвуй, но Ашоту стало страшно, как никогда. Бандиты, крышующие ресторан, требуют от него денег, которые задолжал им прежний директор. Да еще сотрудники ФСБ угрожают Ашоту уголовным делом. Ситуация – хоть вешайся.

Но у Ашота есть верные друзья – безотказная команда спасателей МЧС. Отважные парни берутся помочь товарищу.

Но тут выясняется одно любопытное обстоятельство. Оказывается, прежний директор... Впрочем, обо всем надо узнать по порядку.

Издавалась также под названием «Спасительный удар».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	33
Глава 3	63
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Михаил Серегин

Безотказная команда

Глава 1

Ашот степенно прошествовал к столу со своей ношей – бутылкой домашнего вина четырехлетней выдержки, сделанного из пальчикового винограда с примесью шафрана, и, поместив ее в самый центр, пробасил:

– Вот скажи мне, Грач, каким должен быть погреб, чтобы вино в нем хорошо дозрело?...

– Ну, наверное, очень холодным или, по крайней мере, глубоким, – предположил Грачев, ковыряясь ножичком в продырявленном червяком крупном красном яблоке, которое он подобрал под деревом.

Было пять часов вечера, и мужчины, не так давно сдав смену в службе спасения, где они дежурили сутки через трое, решили немного отдохнуть от забот и, собравшись вместе, полакомиться шашлыком, который уже не раз обещал сделать для них толстяк Ашот.

Вернуться в спасатели, а там они успели побывать во время своей службы в армии, предложил их бывший старший

смены Косицин, успевший за недолгое время дослужиться аж до начальника городской службы. Пока вторую работу никто за серьезную не считал, ведь она отнимала у них всего пару суток в неделю, все остальное время каждый занимался тем, что ему нравилось. И все же от лишнего заработка и возможности оставаться командой отказываться никто не хотел.

– Во-о, не знаешь, – протянул Ашот следом, присаживаясь рядом. – Погреб должен быть крепко запертым. Иначе что в нем успеет дозреть? Ничегошеньки! А потому я ключик всегда при себе ношу. – Ашот продемонстрировал один из ключей на огромной связке, висящей на его необхватном поясе, и, звякнув ею, добавил: – Уж тут-то он точно в безопасности.

– Станный ты человек, Ашот, – донеслось откуда-то из глубины сада. Это подал свой бархатный голосок Максимов, качающийся на качелях, как маленький ребенок. Впрочем, от истины это было не так уж и далеко, учитывая склад характера и шаловливый нрав последнего. – Сам подумай, кому, кроме тебя, твой погреб нужен? Жене?... Или, может быть, девчонкам? Были б сыновья, другое дело, успевай только запоры придумывать, а так что – от себя не спрячешь, – закончил он с усмешкой.

Мачколян нахмурился. Самая больная тема. Будучи женатым не один год, он так и не сумел сделать себе сына. Словно назло, у него рождались одни дочери, а так как смирать-

ся с этим он не желал, стремясь заполучить хотя бы одного продолжателя свой фамилии, семейство его неуклонно прибавлялось в численности, но это касалось лишь женской его части. И, пожалуй, сам глава этой милой общины уже не мог точно сказать, сколько всего хомутиков висит на его могучейшее в данный момент – где уж там всех по именам запомнить.

– Да ладно, не бери в голову, – попытался вернуть бывшее боевое настроение своему другу Валентин, заметив расстройство Ашота. – Этот пустомеля вечно несет какую-нибудь чушь. Дочери – это гордость и красота. А у него вон вообще семьи нет, глядишь, так до старости холостяком и проходит.

– Ага, шас, – услышав, о чем идет речь, откликнулся Макс, отталкиваясь очередной раз от земли и взлетая в воздух. – Я не вы, за первую попавшуюся юбку не схвачусь...

– Ты хотел сказать, не женюсь никогда, – поправил его Грачев. – Э-э-эх, из чего же сделаны наши мальчики? – напел он известную всем детскую песенку. – Из болтиков, из гаечек...

– А пусть и из болтиков, – совсем не обиделся на это Максимов, которого не первый раз в его жизни сравнивали с разного рода инструментами, а все потому, что он работал мастером по спецэффектам на одной телестудии и шарил в любой технике если не лучше, чем ее создатель, то и не хуже, уж точно. – Вы двое, – продолжил Макс, – кроме того, как лю-

дям головы морочить да у плиты стоять, больше ничего и не умеете, а я талант. Может быть, один из тысячи. Так что... — Он многозначительно поднял указательный палец вверх, но, не найдя что сказать, сразу же опустил его.

— Ну да, талант, — усмехнулся в ответ Ашот. — Только что-то этот самый талант тебе нормальную бабу подцепить не помогает, аль со здоровьем непорядок?

— Ха, — скривил рожу Макс. — По-вашему, я чем сейчас занимаюсь?

— Ну и чем же? — уточнил Грачев, доставший наконец наглого червя из яблока и теперь рассматривающий его движения на острие ножа.

— Да вот хочу сделать подарок девушке, но не знаю какой. Думаю, — почесав затылок, ответил им Макс.

Ашот и Валентин в голос захохотали, чем немного сбили с толку Максимова, не понявшего причины столь бурной реакции товарищей на его слова и сообразившего, в чем дело, только когда хозяин дома и двора, в котором они на данный момент находились, Ашот Ваграмович Мачколян, спросил:

— Не знаешь, какой девушке?

Макс слегка смутился и, отведя глаза в сторону, пояснил:

— Нет, какой подарок. Ну... ну предложите же что-нибудь.

— А подари ей батарею, — не задумываясь, выдал Ашот и хитро покосился на Андрея.

— А на фига она ей? — послал вопросительный взгляд Ашоту Максимов.

– Когда слиняешь от нее так же, как и от всех предыдущих, ей будет обо что греться, – с ехидной улыбкой пояснил тот, намекая на неоднократные попытки Макса обзавестись семьей, заканчивающиеся уже через неделю разводом, якобы из-за несовместимости характеров. А если уж быть совсем точным, то разлады в его семьях начинались из-за слишком уж ловеласовской натуры Макса, совершенно неспособного пройти мимо красивой девушки, не попытавшись ее подклеить. Ну не мог он не оценить красоту – и ничего с этим поделать было нельзя.

– Нет, вы окончательно отсталые люди, – махнул в их сторону рукой Максимов, погруженный в глупые фантазии и мечты. – Вы даже не понимаете, что такое женщина, – продолжил он свою речь. – Это же... это же сплошной набор прелестей и чудес. Вы вообще последний раз когда обращали внимание на то, сколько секс-бомб стало в нашей стране? – Для большего эффекта он руками обрисовал тех, кого только что упомянул, и даже сам едва не облизнулся от получившегося результата.

– Ну да, столько секс-бомб развелось, и ни одного бомбоубежища, – иронично присовокупил Ашот, продолжая переворачивать шампуры, к которым он успел перейти во время этой дружеской перебранки. – И когда ты только поймешь, голова твоя седая, что хороша не секс-бомба, которая тебя на куски изорвет и без штанов оставит, а маленькая петардочка, которая хоть и зацепит, да не поранит.

– С тобой неинтересно, – недовольно пробурчал на это Макс, отмахиваясь от совсем не вникающего в его слова Мачколяна. Затем вздохнул и обвел взглядом большой двор ашотовского дома: – Интересно, а где это Величко у нас запропастился? Сказано же было, в девять утра всем быть здесь.

– Не волнуйся, – покосившись на часы, ответил Ашот. – Не думаю, что Граф позволит ему пропустить это мероприятие и подарить кому-то свой шашлык. Силком приволочет.

Занятый облагораживанием стола, Грачев улыбнулся и хотел было добавить к сказанному свое, но в этот момент прозвучал звонок. Максимов досадливо развел руками и крикнул:

– Входи, входи, там не заперто.

Металлическая калитка со скрипом приоткрылась, и первым через ее небольшой порожек перелетело нечто темное и лохматое. Это существо, в котором все сразу узнали своего любимца – немецкую овчарку Графа, прошедшую с ними едва ли не весь Северный Кавказ во время службы в армии, – не раздумывая понеслось в сторону шашлыков, не обращая никакого внимания на то, что путь преграждают две фигуры: одна – Макса, покинувшего качели и вышедшего навстречу другу, другая – Ашота, отступившего от мангала. Впрочем, первый, поняв, что ему грозит, торопливо отскочил в сторону и закачался на одной ноге, стараясь удержать равновесие. Зато второй выставил вперед руки и, испуганно замотав ими,

завопил:

– Граф, нет! Только не сюда.

Но Граф не придавал никакого значения этим словам, да и вообще, похоже, даже не слышал их и радостно бросился на широкую грудь Мачколяна. Ашот от резкого удара в грудь попятился назад. Как назло, под ноги ему попало оброненное ранее полено, и «сто килограммов обаяния» с ужасным грохотом повалились на землю.

Все это произошло так стремительно и быстро, что мужчины не обратили внимания на какой-то режущий свистящий звук. Но чуткое ухо Александра, все еще стоящего в воротах, не могло не уловить его. Он метнулся в сторону и во все горло заорал:

– На землю! Всем лечь на землю!

Окончательно сбитые с толку мужчины недоуменно покосились на Величко, продолжающего выкрикивать те же слова. Но стоило тому бросить: «Киллер», как иного разъяснения больше и не потребовалось – все, кто только как мог, в считанные минуты опустились на землю и поползли к тем предметам, которые могли служить для них укрытием.

Но нового выстрела не последовало. Лишь предостерегающая тишина нависла над двориком, да прильнувший по команде хозяина к земле пес изредка поскуливал, видимо, считая себя виновником всего произошедшего. Мужчины озирались по сторонам.

Из дверей дома показалась симпатичная мордашка девоч-

ки лет двенадцати, и теперь к уже ранее упомянутым звукам добавился еще один, голос Мачколяна, немедленно взревевшего:

– Марш в дом, сейчас же! Кому сказал...

Дочка Ашота отпрянула, носик сморщился, и, всхлипнув от незаслуженной обиды, она исчезла за серой дверью, с силой ее захлопнув. Мачколян облегченно вздохнул и, подняв руку, положил ее на спину лежащего рядом Графа.

– Ты уверен, что это был именно выстрел? – осторожно осведомился Грачев, высунув свой нос из-под импровизированного стола, сколоченного рано утром им самим в центре двора.

– Абсолютно, – ответил Величко. – Если бы не шебутной Граф, не видать бы нам нашего Макса.

– Меня? – удивленно донеслось из другого укрытия, а затем показалась взъерошенная голова.

– Насколько я понял, пуля пронеслась буквально в паре сантиметров от твоего уха, – перевернувшись на спину и всматриваясь в крыши виднеющихся за забором домов, медленно проговорил Величко. – Неужели ты не слышал свиста?

– Было дело, – признался Максимов растеряннo. – Но я грешным делом подумал, что это что-то другое.

– В следующий раз, если услышишь такой свист, не думай, а сразу падай, – посоветовал Мачколян, тяжело дыша, но все же пытаясь откатиться с прежнего места на другое, более безопасное, и перестать быть огромной и хорошо про-

смаатриваемой мишенью для снайпера.

– Не спасет, – вздохнул Макс в ответ и почему-то выпрямился во весь рост.

– Идиот, – заорал Грачев, запулив в него первым, что попало под руку, а этим предметом оказалась металлическая чашка, упавшая со стола. – Спрячься немедленно!

– А толку? – пожал плечами как ни в чем не бывало Максимов. – Тот, кто промазал, второй раз стрелять не станет. Зачем ему так светиться? Это уже проверено... – Он сделал паузу, посматривая на крыши соседних домов, а затем продолжил: – А насчет свиста пули, так это вы загнули. Вроде бы всю Чечню прошагали, а до сих пор не в курсе, что пуля, если попадает, то уже не свистит. Это если мимо, тогда...

Поняв, что и в первом, и во втором случае Максимов совершенно прав, остальные начали медленно подниматься со своих мест и приводить в порядок одежду. Один Величко все еще недоверчиво косился за ворота, боясь того, что Макс ошибся в своих умозаключениях, и повторный выстрел все же последует: ведь и исключения из общего правила отрицать не стоит. А это мог быть как раз такой случай. Но нет, вокруг было тихо и относительно спокойно.

– Куда попала пуля? – поинтересовался Грачев, подходя к стене дома и внимательно вглядываясь в кирпичную поверхность.

– Двадцать сантиметров вправо от тебя, – ответил ему Величко, не оборачиваясь. – Сам выстрел, насколько я могу су-

дить по его траектории, был сделан вон оттуда, — он указал рукой на ближайшую девятиэтажку. — Лестничная площадка с окнами — самое выгодное для стрельбы место.

— Согласен, — выцарапывая тем же ножом из красного раскрошенного кирпича небольшую пулю, ответил Грачев. Когда ему все же удалось извлечь ее, он пулю внимательно рассмотрел и быстро назвал марку оружия, из которого был произведен выстрел.

— Мы с Графом пойдем, осмотрим место, с которого стреляли, — направляясь к воротам, на ходу бросил Величко. — А вы пока тут подождите. — Он поманил пса, и оба они скрылись за калиткой.

Оставшиеся во дворе принялись восстанавливать ход событий, желая точно знать, в кого именно целился стрелявший.

* * *

Оказавшись в обшарпанном грязном подъезде выбранной для обследования девятиэтажки, Величко невольно поморщился. Такое отношение к дому раздражало Александра, привыкшего к порядку с детства, но еще больше его удивляло то равнодушие к происходящему вокруг, которое было свойственно жильцам таких вот замшелых и загаженных домов. Неужели нельзя привести в порядок собственную площадку? Разве это так уж сложно или требует массы времени?

Нет, ему этого было не понять.

Граф метнулся по лестнице вверх и почти сразу скрылся из глаз хозяина, торопящегося следом за ним. Быстро достигнув пятого этажа, Александр остановился. Именно здесь стекло было выбито, а значит, наверняка как раз с этого места и был произведен выстрел. Мужчина поманил собаку к ноге. Вернувшийся назад Граф, успевший умчаться аж на целый этаж выше, прильнул носом к холодному плиточному полу и принялся старательно обнюхивать его, даже не дожидаясь команды.

Александр тем временем обвел пристальным взглядом площадку. В углу он заметил какой-то старый ящик из-под рассады, который, видимо, служил возвышением для стрелка. Тут же им были оставлены и несколько окурков от сигарет «Монарх», правда, по ним, по всей видимости, уже успели пройти несколько человек, расплющив и втоптав их в грязь. Никаких зацепок.

Величко поманил собаку к себе, тем более что Граф вновь принялся взбираться по ступеням чуть выше. Как только овчарка оказалась возле его ноги, он подхватил ее и, подняв на уровень окна, дал обнюхать подоконник, подозревая, что если где и мог оставить следы преступник, так это именно тут. Собака послушно несколько раз втянула носом запах, подняв в воздух некоторое количество пыли, и, в подтверждение того, что знает, чей след брать, громко гавкнула. Он вернул ее на пол и поспешил следом.

Они вернулись все тем же путем вниз, перебежали дорогу между двумя одинаковыми строениями и понеслись в сторону асфальтированного участка, на котором стояло несколько разномастных машин.

Александр догадался, что Граф сейчас потеряет след, так как преступник наверняка улизнул отсюда на машине – они опоздали, и скорее всего фатально. Так и вышло: домчавшись до пустого квадрата, не занятого пока никем, пес завертелся на месте, скуля и нервничая.

– Граф, отбой, – дал приказ Величко, зная, что не стоит зря напрягать собаку, когда и так все очевидно. Преступник смылся, но, возможно, ту машину, что занимала это место, кто-то видел.

Александр повертел головой: вокруг были только высотные дома. Наверняка те из жильцов, что выглядывали в окна в течение этого получаса, видели нужное ему авто, но уж точно не стоит надеяться на то, что они запомнили его марку или обратили внимание на номер, до которого им не было никакого дела. Ради тех скудных сведений, что можно получить от жильцов, не стоило даже тратить драгоценное время и что-либо предпринимать. Следовало просто вернуться к товарищам и попытаться выяснить, кого же именно хотел сразить своей пулей стрелявший, а главное: за что? Тогда остальное станет проясняться по ходу дела, а там, глядишь, и до истины недалеко будет.

Хлопнув ладонью по бедру и тем самым давая овчарке

знакомую команду «к ноге», Величко расстроено вздохнул и зашагал к дому Ашота, жалея, что так замешкался с проверкой девятиэтажки, ползая по двору на животе, и именно по этой причине упустил виновника суматохи.

* * *

– Нет, Макс, все-таки стреляли в тебя, – упорствовал Мачколян, заново начав раздувать затухшие слегка угли в мангале. – Ну сам посуди: где ты стоял и где пролетела пуля? Сам же говоришь, мимо уха. Так?...

– Ну, так, – вздохнул понуро глядящий в землю Максимов, притулившись на пеньке в сторонке и думающий о чем-то своем.

Он пытался понять, действительно ли то, что он сотворил на днях, заслуживает расплаты. Неужели за это можно убить? Ну подумаешь, оплошность – с кем не бывает. Ну, немного покорежена машина, и что теперь? Хотя тот тип...

Андрей обхватил голову руками и провел ладонями от висков к затылку, приглаживая торчащие в стороны непослушные кудри. В памяти выплыли недавние при... а точнее – злключения и встали яркой картиной перед глазами.

Да, он хорошо помнил, как получил тот заказ, как бандиты со злыми осками пообещали ему за лазерное и пиротехническое шоу большие, просто-таки огромные деньги. Он не смог устоять... он даже не задумывался, стоит ли ра-

ботать на этих неприятных и опасных людей, несмотря на то что хорошо знал о судимостях босса этих заказчиков и даже мог догадаться, что судимости есть и у всех остальных его людей.

Впрочем, об этом знали все. Ни для одного более или менее интересующегося политикой и ситуацией в стране и городе человека давно не было секретом, что Хамелеон, а точнее Хомелев Артур Пахомович, был трижды судим за убийства и каждый раз оказывался оправдан; что на его совести – несколько трупов, а он продолжает гулять на свободе. У него все куплено, все и заранее. И Максимов, зная это, все равно согласился.

Дурак: количество нулей в предложенном гонораре затмило рассудок и сделало свое грязное дело. Он закупил все необходимое и поперся на то злосчастное открытие какой-то новой фирмы дочери Хамелеона – Луизы. Знал бы, что все закончится так плачевно, что от исказившегося почему-то взрыва чуть ли не взлетит в воздух машина самого босса – то ни за что бы туда не отправился. Но он ведь отправился, и вот теперь за эту чертову машину своего пахана братки, по всей видимости, решили сделать доплату и устроить ему личную встречу со всевышним, а может быть, и с самим владыкой преисподней, это уж в зависимости от количества и тяжести грехов, накопленных незадачливым пиротехником...

– Макс, я с тобой разговариваю или с кем? – сильно толк-

нув друга в плечо, спросил Грачев. – Ты вообще слышишь, о чем я спросил?

– Извини, задумался, – затряс головой Андрей.

– Скажешь, о чем? – донесся от ворот голос вернувшегося Величко, который пару минут назад вошел во двор и так же, как и другие, успел заметить отрешенное состояние Максимова. – Или тебя придется попытать?

– Похоже, ребята, я влип, – обреченно изрек Макс, даже не пытаясь отмазаться. – Причем влип так, что добром это не кончится.

– Ну вот, одной задачей меньше: теперь хотя бы ясно, в кого целились, – подал голос со своего места Ашот. – Теперь говори – за что тебя убить хотели?

– «За что» сейчас не убивают, сейчас убивают за «потому что», – обреченно вздохнул Макс, а затем добавил: – Потому что я кому-то навредил и не угодил.

– Но ты хоть в курсе, кому? – продолжил допытываться Мачколян. – Или одни только предположения?

Затем пальцем поманил к себе собаку и, подняв один из шампуров, попытался стянуть с него пальцами крайний зажарившийся кусочек шашлыка. Но Графу этого, видимо, показалось мало, и он, подскочив, выхватил из рук Ашота весь шампур. Развернувшись к Мачколянну спиной, он важной походкой понес добычу на высмотренное для себя место – затененную площадку под яблоней. Мачколян только развел руками и тихо вздохнул:

– Что за собака, все по ее должно быть. Алекс, ты его вообще кормишь? Готов вместе с пальцами еду отхватить...

– Не ной, ты же все равно на него один шампур делал, – откликнулся Величко равнодушно. – Он свое и забрал.

После чего обратил свой взор опять к Максимову, так и не ответившему на предыдущий вопрос:

– Ну давай, выкладывай свои делишки.

Максимов вздохнул, сопровождая этот жест обреченности частым покачиванием головы, а затем принялся излагать все то, что, по его мнению, явилось причиной недавнего покушения на его персону.

– В общем, так, – начал он совсем банально, – влип я по самое не хочу. Повелся на бабки, как козел на капусту.

– А большие бабки-то? – полюбопытствовал снова Ашот, пока еще не видя во всем этой никакой особенной проблемы и даже как раз наоборот – деньги, по его мнению, это было очень даже хорошо.

– Очень большие. Тебе такие и не снились, – продолжил Макс со вздохом. – За одно только пиротехническое шоу мне обещали пятьдесят кусков. И это без учета затрат на оборудование. Такие деньги мне ни в кино, ни в МЧС не предложат.

– Ух ты, вот это я понимаю! – произнес с легкой завистью Мачколян.

Он успел поснимать все мясо с шампуров и теперь тащил целое блюдо шашлыка к столу, за которым уже расположи-

лись его друзья.

– Какое там! – махнул рукой Максимов. – Чуть внакладе не остался. Я же их даже и не получил, так как после всего случившегося подхватил ноги в руки и свалил оттуда. И шоу не окончил.

– Так что ты там такого страшного сделал-то? – подтолкнул его к продолжению рассказа Грачев, беря один кусочек шашлыка, но тут же роняя его в чашку и дуя на обожженные пальцы. – Покалечил кого, что ли?

– Угадал: и кого, и что...

– А поконкретнее? – вставил Величко, внимательно на него глядя.

– В общем, что-то там в моей технике я недосмотрел, а в результате машина самого Хамелеона, ну слышали наверняка про него, бандитский папа, лишилась передних фар и немного покорежилась. Не знаю точно, то ли крыло, то ли капот там смялся. В общем, ремонт необходим в любом случае.

– Да и хрен бы с ней, что у него, тачек, что ли, мало? – не понял, в чем, собственно, проблема, Ашот. – Тоже мне, причина для убийства!

– Кроме этого, – не обращая на него внимания, продолжил Андрей, – остался без глаз один из его охранников. Они его ко мне приставили, так... для порядка, а он к пиротехнике полез, ну и шибануло его как следует.

– Так ты ж и не виноват даже, – изумился Грачев. – Чего

тебе бояться?

– А ты попробуй им теперь докажи, что не я виноват, – усмехнулся Макс. – Этот урод так орать начал, что я сразу деру дал, понял: не исчезну сам, мне помогут это сделать другие.

– Ну а ты видел кого-нибудь из них после этого? – полюбопытствовал Валентин.

– Чур меня, чур, – замахал руками Макс. – Боже упаси!

– Да... если говоришь, что братки крутые, – зачесал подбородок Мачколян, – значит, наверняка это они тебя грохнуть и хотели. У них ведь свои законы и правила, и негоже, чтобы какой-то там пиротехник их имущество и людей портил. За такое не грех послать шестерку, чтобы этого кретина грохнул.

– А почему ты решил, что шестерку? – прищурился Максимов.

– А кого ж еще? Был бы это профессионал – так не промазал бы. И потом оружие – из такого разве при подобном расстоянии стреляют... Шестерка, не иначе. Может, даже приказа убить-то и не было, так, припугнуть послали, вот он и выбрал такой способ.

– Ну и что мне теперь делать? – обратился сразу ко всем Максимов. – Грохнут ведь, наверняка грохнут! Не сейчас, так позже. Найдут способ.

– Да погоди ты суетиться, тут подумать надо, – запуская руку в чашку с шашлыком, пробурчал Мачколян. – А чтоб

лучше думалось, надо умище-то подпитать. Жрите давайте, а то Граф вон свой шашлык уже доедает, скоро, глядишь, и за ваш примется.

– Какое там жрите, – вздохнул обреченно Андрей. – У меня и аппетита-то нет.

– Так, Макс!.. – заговорил Грачев. – Запомни: нераскрываемых преступлений не бывает – есть преступления, которые пока не раскрыты. То же самое – с проблемами и их решением. Не помню точно, кто сказал. Так что давай ешь и не порть аппетит остальным.

Какое-то время за столом было тихо. Все просто наслаждались пищей и, конечно же, домашним вином Ашота Ваграмовича. Когда же первый голод был утихомирен, вновь завязался разговор.

– Короче, как я понимаю, проблема в том, – облизывая пальцы, начал Грачев, – что ты сбежал с проваленного мероприятия и даже ничего не попытался объяснить. Естественно, больше поверили тому типу, а он со злости мог такой чуши нанести...

– Благодаря которой меня теперь и... – проведя ребром ладони по шее, закончил за Грачева Макс. – Стоит мне сунуть к ним нос, живого места на теле не оставят.

– На твоём – да, а вот на наших... – задумчиво вставил Величко.

Все повернули свои головы к нему, давно и хорошо зная, что в их команде он обладает самым живым и трезвым умом

и способен из всех предложений выбрать самое подходящее, а порой и выдать свое собственное. В душе каждый признавал в нем негласного лидера, умеющего трезво оценивать ситуацию в любой, даже самый жаркий, момент. А в работе спасателя это было очень важным качеством, потому-то к словам Величко всегда прислушивались. Впрочем, сам Александр лидером стать и не старался.

– Что ты предлагаешь? – поинтересовался у него Валентин, вытирая руки о разбросанные по столу салфетки.

– Наведаться к этим ребятам нам самим, – скользя взглядом по лицам товарищей, произнес он. – Макса не брать, чтоб не рисковал собой лишний раз. Нас-то они не должны тронуть.

– А мы-то там что делать будем? – пробасил Ашот грубо.

– Попробуем договориться, – пояснил Александр. – Кто знает, может, они ограничатся какой-то суммой денег и отстанут от Макса. Он же просто слинял, вот они и злятся сейчас на него. Наверняка можно все разрешить по-тихому, без кровавых разборок.

– Ну да, станут они вас слушать! – усмехнулся Максимов. – Выгонят в три шеи, если еще вообще хотя бы до своего тела допустят. Не те люди, не тот и разряд. Мы для них – все равно что блохи для слона.

– Маленькие, но назойливые? – улыбнулся Ашот.

– Так или иначе, а попробовать надо, – поддержал Величко Грачев, не оценив мачколяновской шутки. – У любой про-

блемы должно быть бескровное решение. Хотя бы спросим, сколько они за все повреждения хотят, а там видно будет, что делать дальше. И потом, попытка не пытка, мы же, в конце концов, спасатели. Неужели своего в беде оставим...

– Дохлый номер, – возразил Макс. – Не станут они с вами ничего обсуждать.

– А вот это мы и проверим, – поднимаясь со скамьи, уверенно произнес Величко. – Прямо сейчас.

– Да вы что, и вправду туда едете? – ужаснулся такому безрассудству Максимов. – А я? А что делать мне? Да вы хоть знаете, где искать этого Хамелеона? – продолжая искать повод, чтобы никуда не пустить остальных, замахал руками Максимов. – Он же крутой воротила темного бизнеса, к нему так просто не подберешься.

– Он не крутой, а в себе уверенный, – поправил его Александр. – Хомелев давно уже не боится никого, поэтому особенно и не прячется. Так что где его найти, я знаю хорошо – есть у них одно излюбленное местечко: сауна.

– Это не Скворцова ли? – прищурился Мачколян.

– Она самая, – кивнул Александр. – Если особых дел нет, эти ребятки сейчас там, нежатся в объятиях милых дам.

– Отлично, давно хотел попариться! – потирая руки, порадовался Мачколян. Затем повернулся к Максиму и добавил: – А ты сиди тут и носа никуда не показывай. А лучше вообще в дом топай, а то еще подстрелят, как гусака на охоте, даже отчитаться не перед кем за тебя будет. Только к

девкам моим ни-ни, лично ошипаю, если что, – предупредил на всякий случай Ашот.

Затем повернулся и зашагал к гаражу, чтобы выгнать из него свой быстроходный и вездеходный джип. За ним последовал Граф, а затем уже и все остальные.

* * *

Стрелки настенных часов отбили два четких удара. Морщинистая рука потянулась к серому телефону, стоящему на высоком столике из красного дерева, сняла трубку и решительно принялась набирать номер. Вскоре в трубке загудело.

Ответа не было несколько минут, а затем чей-то энергичный голос спросил:

– Кори, ты?

– Я, – был короткий ответ.

– Значит, все-таки решился?

– Да. У меня нет иного выхода. Ты помнишь о том, что мне обещал?

– Конечно, на этот счет можешь не волноваться... Когда хочешь это сделать?

– Сегодня. Прямо сейчас. Будь начеку. Заранее благодарен.

– Ох, как бы тебе не пожалеть, – вздохнул собеседник и сразу отключился.

Сауна господина Скворцова была одной из лучших в городе. Всех кого попало туда не пускали, хотя входным билетом за все время ее существования являлись деньги, и не маленькие. Но платить было за что: кроме нескольких финских и русских парных, двух огромных бассейнов с голубым дном, выложенным из камешков разного оттенка этого цвета, здесь имелись еще отдельные душевые и солярий, массажный кабинет и пивная комната.

Но главной достопримечательностью было даже не это. Главной была зала с названием «гарем». Комната эта, конечно же, пользовалась особой популярностью у крупных воротил бизнеса и преступности, так что на оплату всех услуг сауны ее владельцу отваливали денег от души и не скупясь. А он и рад был стараться.

Разумеется, сауна являлась не только местом отдыха влиятельных лиц, но еще и местом, где они решали наиболее важные свои дела, не боясь быть подслушанными. Бывало, в стенах сауны совершались некоторые операции с недвижимостью, окончательные расчеты за ту или иную работу, а затем совместно праздновалось удачное окончание компаньонских дел. Рекой лилось вино, шоколадные от искусственного загара девицы таяли рядом с потными телами – всем было весело и хорошо, как, впрочем, и задумывалось

с самого начала.

Ни один из четверых мужчин, которые сейчас стояли напротив обнесенной огромным каменным забором сауны, до этого момента в ней не был, да и сейчас попадать в ее пределы им не особенно-то хотелось и, если бы не острая в этом необходимость, они бы давно уже развернулись и отбыли во-свояси – домой, к семьям и детям.

– Ну, и что будем говорить? – задал занимающий всех вопрос вслух Ашот. – Не скажем же: пришли поболтать с Артуром Пахомовичем. Так нас к нему и пустили!

– Я думаю, что не стоит ничего особенного придумывать, лучше объяснить все честно, без обмана, – высказал собственное мнение на этот счет Грачев. – Тогда будет больше шансов на успех.

– Попробуем, – вздохнул Величко и, приблизившись к воротам, надавил на кнопку домофона и произнес:

– Могу я видеть Хомелева Артура Пахомовича?

Почти сразу же грубый мужской голос вяло поинтересовался:

– Зачем нужэн? Кто будэшь сам?

– Передайте, что мы от пиротехника Макса. Хотели бы обговорить сумму его задолженности за испорченную машину, – приблизившись к аппарату, четко выговорил мужчина.

– Жди, – бросили ему на это, и связь временно прервалась.

– Ну что? – нервничал Ашот. – Докладать пошли?

– Вроде как, – пожал плечами Величко и отступил на шаг от ворот.

– Главное теперь, чтобы принять согласились, – вздохнул позади Грач. – А там уже все проще.

– Да куда они денутся, примут, – пробасил Мачколян. Почти в ту же самую минуту ворота медленно раздвинулись, и показавшийся из-за них высокий мужчина кавказской наружности грубо произнес:

– Сдавайте все, что есть: дэньги, докумэнты, оружие. Пока не проверим каждого, не пройдете. Собаку оставьте за воротами, с ней нэльзя.

– Хорошо, – сделав Графу одним им понятный жест, ответил Величко. Собака все поняла и, попятившись за ворота, приземлилась на пятую точку в двадцати сантиметрах от порожка и сразу замерла, превратившись в подобие сфинкса у египетской пирамиды. Металлические ставни, заскрипев, стали закрываться, лишая мужчин возможности видеть их друга – немецкую овчарку.

– Мать вашу, как тут строго, – замотал головой Ашот. – Это баня или тюрьма?

– Да молчи ты, – шикнул на него Грачев. – Радуйся, что вообще пустили.

Заметив, что к нему первому подошел этот самый верзила, который только что их сюда впустил, Валентин поочередно вывернул все карманы и, выложив их небогатое содержимое на стол, дал обшарить себя самому охраннику. Как и сле-

довало ожидать, при нем ничего подозрительного не оказалось. За Грачевым обследованию подвергся Величко, а следом и Мачколян, который от каждого прикосновения к нему рук охранника начинал покатываться от смеха, не давая тому нормально закончить начатое дело. Но кавказец не растерялся, сказал Ашоту пару слов на своем народном, и тот моментально притих и больше уже не шалил.

– Что он тебе такое сказал? – заинтересовался этим Грач, внимательно посматривая на Ашота.

– Да так, – отмахнулся Мачколян, а сам охранник презрительно усмехнулся и перевел:

– Сказал, что сразу не понял, что он голубой.

Величко и Грачев прыснули, но тут же собрались и, вернув себе серьезные выражения лиц, вознамерились последовать за поманившим их мужчиной. Все тот же кавказец провел их до двери в самую сауну, затем постучал: три удара коротких и два с остановкой, и ему сразу же открыли. Кавказец дал какие-то ЦУ своему собрату-охраннику, передал их в его руки и удалился к воротам.

– Идите за мной, – проговорил более молодой паренек.

– А можно узнать, куда? – попытался разрядить слишком мрачную обстановку Ашот, но тут же словил тумак от Величко и вновь притих. Единственное, что он мог себе позволить редко-редко, это вздохнуть, да и то негромко, чтобы шума не было и воздух вокруг не колыхался. Этим, собственно, он и занимался.

– Господин Артур ждет вас в бассейне, – пояснил парень, указывая рукой вдоль коридора. – Вон та дверь налево.

– Хорошо, разберемся, – кивнул ему Александр и решительным шагом направился дальше.

Продвигаясь вперед, он окидывал взглядом убранство помещений, которые легко просматривались из-за полупрозрачных дверей, не скрывающих почти ничего. Вот отдельная душевая, с диваном и столиком, имеющим на своей поверхности все, что необходимо для завершения удачно начатого совместного купания. Дальше пивной бар со стойкой и несколькими официантками. За ним еще несколько комнат неопределенного назначения, а вот и та дверь, что им нужна. Александр остановился.

Даже не распахивая двери, он услышал придурковатый смех и грубые голоса мужчин, отпускавших пошлые шуточки.

– Резвятся, бегемотики, – не мог не съязвить Ашот, несмотря на то что вес его самого мало чем уступал этому самому невинно оскорбленному животному, а он даже не мог точно знать, как выглядят те, что за дверью.

Величко ухватился за ручку и, повернув ее вниз, распахнул дверь. И картина предстала их взорам: двое коротконогих, но при этом неимоверно упитанных наголо стриженных братана колыхали телами воды бассейна, вокруг них сверкали голыми задницами и трясли бюстами разнокалиберные и разномастные шалавы. Одна еще не закончила слизывать с

груди своего временного «шаха» капельки воды и, не обращая внимания на посторонних, появившихся в дверях, так и продолжала теревить свободной рукой «третью ногу» своего постанывающего клиента.

Несколько мужчин самых разных возрастов и комплекций нежились на импровизированном песочке рядышком, едва прикрывая свои мужские достоинства короткими полотенчиками. А один и вовсе, не стесняясь никого, лежа на боку, запрокинул одно колено вверх и, выставив напоказ свое единственное на данный момент оружие, да и то годное только в борьбе с женщиной, небрежно чесал волосатой лапой свою не менее волосатую ляжку. Всем было плевать, кто и что делает. И даже официанты, из одежды на которых были только бабочки-галстуки, всем своим видом выражали полное безразличие к происходящему.

Над бассейном летали охи и ахи, своеобразный окрас которым придавала молодая парочка, занятая сексом в положении стоя у стены: спина жаркого любовника давно была изрисована царапинами от острых коготков его «дамы», но это, похоже, только еще больше возбуждало его, и он начал двигать ягодицами быстрее и быстрее.

Мужчины беглыми взглядами обвели помещение, и на их лицах отразилось совершенно разное отношение к увиденному. По сморщенному лицу Величко без труда можно было догадаться, что ему все это противно и он, была бы его воля, с радостью вышел бы вон, чтобы ничего этого не видеть.

Глаза Грачева, честного и порядочного семьянина, для которого подобные картины оказались внове, были опущены к полу, только бы не видеть этого омерзительного разврата. Нет, он не был совсем уж таким неопытным малым, он смотрел порнофильмы, часто и довольно разнообразно занимался любовью с собственной женой, но эти коллективные оргии казались ему самым мерзким из всего того, что только могло придумать человечество. И даже больше: наблюдение за ними для него казалось равносильным измене любимой женщине.

И только лишь Ашот с завистью посматривал на распорядителей этими женскими телами, и его собственная плоть от возбуждения все больше увеличивалась. Он не боролся с собой и даже не старался это делать. Возможно, он и был похотливым животным, но таким уж его мама родила, и ничего предосудительного сам он в этом не видел.

Глава 2

Понимая, что лучше всего поскорее покончить с тем, за чем они, собственно, сюда и пришли, Величко торопливо откашлялся и, насколько это было возможно, громко спросил:

– Кто из вас Хомелев Артур Пахомович?

Получилось не слишком четко и немного хрипло, что смутило самого Величко, и он начал часто откашливаться, делая вид, что в горле у него что-то запершило. В этот самый момент взгляды нескольких мужчин обратились к их компании. А затем тот самый, который только что так неприятно чесал свои волосатые ноги, слегка приподнялся на руке и, не отвечая на вопрос, пробасил:

– Что надо?

– Значит, это вы Хомелев? – уточнил на всякий случай Величко. – Мы пришли поговорить.

– Об этом мне уже сказали. О чем будет разговор? – вяло поинтересовался все тот же мужчина.

– О пиротехнике, – пояснил Александр более бодро. – Мы хотели обговорить сумму, которую он вам должен вернуть за покалеченную машину и вашего человека.

– Ха-ха-ха, – подобно грому раздалось на весь зал, и Грачеву даже показалось, что от этого жуткого смеха заходили ходуном стены. – Он нам должен?... Ничего смешнее я еще сегодня не слышал! – продолжил чему-то радоваться Хаме-

леон.

Сейчас мужчины могли вполне спокойно и без боязни рассмотреть его покрытое мелкими морщинами и состарившееся лицо, припудренные сединой волосы; сломанный – и возможно, что и не раз – нос, зоркие проницательные глаза и бледную, еле заметную полосу губ. Когда-то этот тип был красавцем, не слащавым, нет, а таким, что пробегали по спине мурашки и становилось ясно: за этой спиной не пропадешь. Даже сейчас при одном только взгляде на него легко было догадаться, что этот человек своего не упустит, да еще и чужое прихватит, если оно, это чужое, ему необходимо. Он относился к той редкостной категории людей, что во всех вселяют ужас и страх, кого бояться и кому беспрекословно подчиняются только потому, что он не задумываясь может убить родную мать, если она вдруг помешает его делам.

Хомелев закончил смеяться и буквально всверлил свой острый взгляд в лицо Величко. Они оба не произносили ни слова, и только когда один из людей Артура Пахомовича поинтересовался у соседа, не о том ли парне, что был на открытии фирмы, идет речь, босс вновь заговорил. Но теперь уже речь его была сжатой и сухой, а взгляд пронизывающим и холодным:

– Говорите честно, зачем пришли? Кто подослал вас, козавки, и с какими целями? Предупреждаю сразу, мне опасно лгать!

– Я уже сказал, – спокойно ответил на это Александр. –

Мы хотим, чтобы вы больше не устраивали покушений на нашего друга, Максимова Андрея. Он не виноват, что купленная аппаратура оказалась не совсем качественной и в результате этого ваша автомашина была испорчена, а один из людей лишился зрения. Он готов возместить вам все затраты и послал нас узнать, сколько ему все это будет стоить.

— А что ж он не приполз сам, этот земляной червяк? — съязвил рослый парень, примостившийся подле босса и попивающий шампанское. Как и остальные, он был гол, с той лишь разницей, что его тело среди этих было подобно Аполлонову среди сатиров. — Что, струсил?

Александр не отвечал, не особенно хорошо представляя, как следует вести себя в среде таких матерых бандитов. Зато знал, а точнее думал, что знает, практикующий психолог Грачев, и именно он продолжил переговоры:

— Это мы сами ему велели не ходить, — отчеканил он громко, стараясь глядеть только в лицо главному и никуда больше, хотя все давно уже перестали заниматься своими делами и тоже внимательно следили за происходящим — видимо, это показалось им интересным. — Так вы не ответили, какую сумму он вам за все должен? Поймите, мы хотим решить все мирным путем, без лишних кровопролитий. Так будет удобнее и для вас, и для нас, я надеюсь...

— Похвально, — захлопал в ладоши Хомелев. — Только вы не по адресу.

И отвернулся от незваных гостей — это означало, что раз-

говор на сегодня завершен.

– То есть? – не понял Грачев. – Вы хотите сказать, что это не у вас Макс устраивал пиротехническое шоу?

– У нас, – вместо босса ответил другой тип: высокий, с та- туировкой на бедре в виде вылезающей из разорванной кожи пантеры. – Только нам ваш дружбан пока ничего не должен. Был бы должен, давно б растрясли.

– Но зачем же тогда вы пытались его убить? – спросил Грачев недоуменно. – За что?

Вместо ответа к нему подошел высоченный детина, он же официант, и, развернув Валентина на все сто восемьдесят градусов, указал ему пальцем на дверь и тихо выдохнул:

– Проваливайте. Пока еще босс в хорошем расположении духа и не велел сделать из вас чучела для шоу.

– Но мы хотим знать, за что... – начал было вновь Валентин, пытаясь вырваться из цепких объятий, но не особенно рьяно, а так, как бы это делал любой среднестатистический обыватель на его месте.

– Нам плевать, что вы хотите, – вновь произнес на пониженных тонах малый, а за его спиной послышался уже плеск воды и смех. – Макс свою работу выполнил, праздник отсалютовал, а бабки, что не забрал, спросите у Арама, он на выходе стоит. А теперь давайте, валите по-хорошему. Кончайте злить отдыхающих.

– Но как же, он же... – нелепо замямлил Валентин, окончательно сбитый с толку. – Он же машину и того парня...

это...

– Бля, ну ты и мудила, – нарвался-таки на комплимент Грачев. – Сказано же, плевать всем на этот металлолом и на того козла, что сует нос куда не следует! Чеши отсюда, дебил! – совсем уж невежливо закончил официант и почти что силой вытолкнул Валентина за дверь, отчего тот едва не влетел в стену напротив, вовремя выставив вперед руки и тем самым спасая себя от лишних синяков и шишек.

Остальные вышли сами и растерянно переглянулись. На выходе из сауны их и в самом деле остановил Арам, детина лет двадцати с небольшим, но выглядящий так, словно его намеренно надули, вставив шланг от насоса в задний проход. Он сунул Величко, шествующему первым, пачку долларовых купюр и от себя добавил:

– Классное было шоу. Передайте от меня этому... – он не сообразил, как назвать Максима, а потому решил оставить все как есть и закончил: – Мы все в осаде! Пусть чувак не долбитя зря, работа всегда будет.

– Обязательно передадим, – пообещал Величко, покидая помещение бани в полной растерянности.

– Стоп, братва, я чего-то не понял, это что, не они Макса убить хотели? – поинтересовался все время молчавший Ашот, едва только за его плечами закрипел засов закрываемой двери.

– Похоже, что не они, – вяло ответил Грачев, настроение которого было убийственным.

– А кто же тогда? – не сдавался Мачколян.

– А вот это нам и предстоит выяснить, – сказал Александр, свистнув Графу, оставленному сторожить машину, но свои обязанности почему-то не выполняющему. – Либо Макс что-то скрывает, либо мы вообще ошиблись.

– В чем? В том, кто стрелял, или в том, в кого стреляли? – прищурил свои и без того маленькие глазки Мачколян. Величко только посмотрел на него, и ответ сразу всем стал ясен. Ничего более не произнося, они забрались в машину и, захлопнув дверцы, приготовились двигаться в обратном направлении – назад, к дому Ашота, где парился в одиночестве и неизвестности Максимов.

* * *

Мужчина с немного обрюзгшей фигурой и чертами лица, больше характерными для жителей Кавказа – огромным горбатым носом, немного рассеянным взглядом и широким лбом со спадающими на него иссиня-черными волнистыми волосами, кое-где слегка поседевшими, обвел взглядом собственный кабинет, словно стараясь отыскать в нем какой-то изъян. Все было на месте: стол, подарок от вражьего стана, кресло, в котором сидел он...

В душе творилось непонятное. Трусливое сердце судорожно дрожало и норовило уйти в пятки. Височная жилка беспрестанно пульсировала, и каждый ее удар отзывал-

ся внутри ударом кузнечного молота, пытающегося раздробить его голову. Руки кавказца задрожали, когда он потянулся к коробочке: несколько неосторожных движений – и о последствиях остается только догадываться... Мужчина тяжело сглотнул и продолжил начатое.

...Вот оно, то, что способно очень многое изменить в его жизни. Но что одновременно может стать и тем последним, что ему суждено увидеть на этой грешной земле. Только бы не оплошать, только бы не подвели пальцы...

За собственными мыслями он не заметил, как распахнулась дверь и на ее пороге появился чей-то силуэт. Впрочем, пришедшего он бы узнал, будь у него чуть больше времени, но... перед глазами уже замелькали красные цифирки, не сулящие ничего хорошего. Пятерка быстро сменилась на четверку, та на тройку... Времени на то, чтобы думать, не было – он метнулся в сторону, ко второй, потайной двери кабинета.

Огненная струя пламени взметнулась вверх. Высокий человек, появившийся в дверях, словно о чем-то вспомнив, в самую последнюю минуту метнулся назад. И тут же чудовищная сила прогремевшего взрыва покатила во все стороны. Легкая дверь под ее напором была сорвана с петель так же легко, как лист с ветки порывом ветра, и выброшена в коридор. Огромный сноп пламени вырвался в окно кабинета директора ресторана «Желтая горка» и снова спрятался в свое логово, довершая только что начатое разрушительное

действие.

Пожар расходился. Обломки стен, искореженные и изуродованные, падали на асфальтированный участок перед рестораном. Но этот шум мало кто слышал, так как его перебивали пронзительные женские визги. Это было началом паники.

* * *

– Ну все, признавайся, браток, чем еще, кроме этого погрома на вечеринке у Хамелеона, ты занимался в последние дни? – бросив пачку с деньгами на стол перед Максимовым и уперев руки в бока, а точнее, пристроив их куда-то в область бывшей талии, строго спросил Мачколян.

– Что значит, чем еще? – не понял тот, растерявшись. – Ничем я не занимался.

– Ага, как же, рассказывай сказочки, только не мне, а кому-нибудь другому, – продолжил Ашот. – Ты небось еще пару вилл разгромил или увел любовницу у какого-нибудь мафиози. С утра ты как раз про какую-то там секс-бомбу говорил. А бомбы эти в нашей стране давно уже все раскуплены криминалами.

– Да че ты вообще на меня наезжаешь, – обиделся Андрей, видя, как остальные напряженно наблюдают за ними и ждут, что он на все это ответит. – Ты сам-то тоже хорош, позавчера только за свою дочь одного парня в больницу отправил. А

что, не так?

– Чего? – возмутился больше прежнего Ашот. – Это ты что, на меня бочку катить вздумал? Да я его за дело, чтоб не лез своими грязными лапищами к запретному! Будет в следующий раз знать.

– А посетителю в собственном ресторане ты тоже за дело морду набил? – не унимался Максимов.

Стоящие в стороне Величко и Грачев, не сумев сдержаться, засмеялись, вспомнив, как на днях отмечали рост Ашота по карьерной лестнице, а точнее – чудесное его превращение из шеф-повара во второго владельца ресторана. В тот раз они напились до чертиков, а когда один из посетителей велел Ашоту заткнуть глотку и больше не орать своих пьяных песен, тот, недолго думая, со всего маху отфутболил его к дверям и, заорав: «Я тут хозяин!», принялся угощать всех присутствующих за свой счет.

– Раз бил, значит, за дело, – нахмутив лоб, буркнул в ответ Мачколян, который на самом деле на следующий день после бурного застолья даже не помнил, что было вчера и как вообще он попал домой.

– Во-во, – усмехнулся Андрей, поняв, что наступил ему на больную мозоль. – И это называется – хранитель ресторанного сервиса! Да после такого к вам приличные люди побоятся приходить!

– Приличные пусть боятся, а остальные приходят, – отчеканил Ашот и, тяжело опустившись на стул, добавил: – Раз-

бирайтесь с ним сами, а мне на работу надо. Я и так постоянно прогуливаю. До сих пор не пойму, зачем мне она вообще сдалась, эта спасательная служба, без нее, что ли, себя прокормить не смогу.

– Так у тебя же новая должность! – подколот толстяка Величко, проигнорировав его последние слова. – Или ты не начальник себе?

– Это не должность, а обязательство. А должность у меня прежняя, – откликнулся Мачколян и, встав, направился в дом, чтобы собраться на работу. Поднимаясь на крыльцо, пробубнил себе под нос что-то о том, что вот опять завтрак не удался, и все из-за чьих-то проблем.

Оставшиеся без Мачколяна Грачев и Величко пристально посмотрели в лицо Максиму, и Валентин спросил:

– Ты точно рассказал нам обо всем, что может иметь такие последствия, или нет?

– Да все, что я, совсем, что ли...

– Что ж, в таком случае больше вопросов не имеем. Вот твои деньги, живи спокойно.

– Деньги? Но... как... они, – Макс совершенно не знал, что сказать.

– Бери, бери, – добавил к этому Величко. – Насколько мы поняли, эти братки не такие уж и страшные, как ты нам расписал, и совсем они на тебя не в обиде за тачку и того кретина, что полез куда не надо.

– Угу, – поддержал друга Валентин и тут же пошутил: –

Если б мы поторговались, то думаю, что они тебе за такую работу еще и приплатили бы. Мы сразу-то не допетрили, а возвращаться негоже, несолидно это.

– Так вы что, их... того? – перепугался Максимов.

– Мы! – горестно воскликнул Валентин. – Это уж скорее они...

Александр усмехнулся, вспомнив, как покраснел Грачев, когда на него наехал какой-то там официантишка. Очень уж ловко он его осадил и заставил почувствовать всю глупость сказанного. Даже он, Александр, тогда немного смутился, а уж Грачу и того больше досталось. Ну да дела былые, быстро забудутся.

– Я так думаю, что загостились мы тут, – произнес он после небольшой паузы. – Пора и по домам разбежаться.

– А как же покушение? – не понял его мысли Валентин. – Ведь кого-то же из нас хотели убить.

– Хотели, только все равно непонятно, кого, – развел руками Величко. – Если кто что за собой знает, следовало говорить раньше, а быть при ком-то нянькой мне не особенно хочется, тем более учитывая то, что этот кто-то от нас что-то скрывает. Если уж совсем припечет – как связаться, все знают. – Он нахмурился и направился к воротам.

Максимов и Грачев пошли следом, а рядом с ними, весело виляя хвостом, побежал довольный Граф. Да и что ему было не радоваться: солнышко, бабочки, цветочки, да и просто – лето...

Ашот едва плелся на своем быстроходном джипе позади дряхленького, едва пыхтящего «Запорожца», не имея никакой возможности обогнать его на этой узкой трассе. Так ведь зараза водитель словно специально на заднее стекло еще наклейку приляпал: «Спешишь – перепрыгни». От ее созерцания Ашота буквально плющило и колбасило. Была б его воля, он бы прямо по нему и проехал.

Непрестанно бранясь, Ашот то нервно стучал по рулю, заставляя машину источать давящий на перепонки сигнальный звук, то высовывался в окно и повторял все ранее произнесенное в салоне уже для публики. Владелец «запора» никак не реагировал на все это. В конечном счете Ашота все это ужасно достало, и он принял решение выйти из джипа и набить рожу этому придурку, не дающему нормальным людям нормально ехать. И он бы действительно воплотил задуманное в реальность, не отвлеки его от кровожадных мыслей звонок мобильного телефона.

Еще раз матюкнувшись, он извлек из кармана брюк маленькую серебристую трубочку и, кое-как надавив на нужную клавишу кончиком пальца, который при полном нажатии захватывал сразу кнопки четыре, поднес телефон к уху и гаркнул:

– Чего надо?

В ответ сначала раздалось какое-то всхлипывание, затем невнятный шум, и только потом знакомый женский голос, заикаясь, сообщил:

– Ашот Ваграмович... у нас ЧП. Ресторан-то... он все уж... везде пепел, сор. Бухгалтера-то нашего дверью стукнуло, в шоке он – еле откачали. А директор-то... – дальше последовало протяжное «у», – и вовсе... покинул нас. Что делать-то?

– Господи, Надя, объясни толком, что стряслось, – нервно процедил сквозь зубы Ашот. – Коротко и самое главное, как я тебя учил.

Надя, а именно так звали девушку, работавшую в ресторане при директоре как бы секретаршей, громко всхлипнула и без какого-либо перехода выдала:

– В кабинете директора взрыв случился. Его самого... у-у... до костей...

– Как взрыв? Почему? – только сейчас стал понимать, о чем ему говорят, Ашот. – Директор что, мертв?

– Сгорел, заживо сгорел! – продолжила причитать женщина. – Я ж вам о том и говорю. Что делать нам? Ой, что делать?

– Тушите пожар, я сейчас буду, – отдал распоряжение Ашот. Затем отбросил трубку на сиденье и с удвоенной силой надавил на клаксон. Машина взревела, но ускорения движения на дороге перед ним это не вызвало.

Мачколян торопливо заозирался по сторонам, ища спаси-

тельный выход и прекрасно понимая, что сама собой пробка рассосется еще не скоро, и тут его взгляд упал на тротуар, расположенный вплотную к дороге и являющий собой не просто место для прогулки пассажиров, а еще и площадку для размещения на нем летних кафе и лотков с продовольственными и иными товарами. Не задумываясь больше ни над чем, он с силой захлопнул приоткрытую ранее дверь и, вцепившись в руль, принялся резко выкручивать его в сторону.

Через несколько минут он уже выскочил на тротуар и, не снимая руки с клаксона, понесся по нему на своем джипе, как по шоссе. Не ожидавшие ничего подобного гуляющие и посетители уличных кафе едва успевали отскакивать в разные стороны и, визжа, принимались обливать Мачколяна такой словесной грязью, какая ни одному пьяному сантехнику даже и не снилась. Только Ашот плевать хотел на все эти реплики, самым важным для него было добраться до места.

Ашот снова повернул руль, но на этот раз в направлении дороги, успел заметить, как прямо перед ним заметалась в воздухе полосатая палочка регулировщика, но не остановился, а понесся дальше с той бешеной скоростью, что была свойственна его мощному джипу.

Ресторана «Желтая горка» он достиг спустя двадцать минут после поступившего на его телефон звонка. Но он никак не представлял, что все будет так ужасно и мерзко, как это оказалось на самом деле: совсем новенькая табличка с

названием, которую они заказали неделю назад, обуглилась, из окон директорского кабинета валом валил дым, но уже не от огня, а остаточный. Вокруг суетились пожарные, таскали туда-сюда какие-то ведра и обгоревшие вещи работники самого заведения. Ашот растерянно застыл на месте, не в силах что-либо произнести и совершенно не зная, что думать и тем более делать. Он бы, наверное, так и стоял подобно памятнику самому себе, если бы его не отвлекла все та же секретарша Надя, кинувшаяся к нему на шею и затрясшаяся в рыданиях.

Он непроизвольно обнял ее и, положив руку на растрепавшиеся волосы, с трудом выдавил из себя вопрос:

– Кто это сделал?

– Мы не знаем, – замотала Надежда головой в ответ. – Прибыли криминалисты, сейчас все обследуют, потом известят о результатах. Как это все ужасно, как мерзко...

Надя снова залилась слезами.

– Где можно найти этих криминалистов? – понимая, что делать все же что-то следует, спросил у секретарши Ашот.

– Они там, внутри. Все уже потушено, просто сажа везде, и дышать там нечем, – почти без всхлипываний ответила женщина.

Ашот отстранил ее и решительным шагом направился в собственное заведение. Он понимал, что теперь станет новым управляющим этого ресторана, так как, пусть и недавно, вступил в долю. Тем более что вряд ли вдова погибше-

го директора станет претендовать на эту роль. С нее вполне достаточно будет той части прибыли, что полагается ей как наследнице. С одной стороны, это немного радовало его, с другой – ужасало, ведь теперь ему придется разруливать все проблемы, связанные с этим бизнесом, начиная с проблемы ремонта. Сумеет ли он со всем этим справиться? Ашот не знал.

Войдя в главный зал ресторана, еще вчера чистенький и сияющий, он увидел грязное помещение с разного рода мусором, валяющимся на полу, поваленной и отчасти переломанной мебелью и побитыми стеклами. Ничего хуже придумать уже было нельзя. Ашот перевел взгляд в сторону коридорчика, ведущего к кабинету бывшего директора – Эдуарда Георгиевича Пожарова, – и увидел толпящихся в нем мужчин. Они друг другу что-то доказывали и яростно жестикулировали при этом.

Ашот направился к ним.

– Вы кто? Сюда нельзя! – заметив его, воскликнул один из спорщиков, среднего роста шатен с забавными усиками.

– Я... заместитель директора, – не сразу нашелся что ответить Мачколян. – Я хотел бы узнать, известно ли вам, кто виноват в этом взрыве?

– Заместитель, говорите? – прищурился другой. – Что ж, обрадовать вас ничем не можем. Ничего относительно причин взрыва точно еще не установлено. От вашего начальника остался один обугленный скелет. Причина смерти очевидна.

К тому же ваш бухгалтер собственными глазами видел, что директор находился в момент взрыва в своем кабинете.

– Видел? Но как?

– Чисто случайно, – вздохнул все тот же мужчина. – В тот момент, когда он пытался войти в кабинет, как раз и прогремел взрыв. Взрывной волной дверь сорвало с петель и ею же бухгалтера и накрыло. Только это его и спасло, иначе тоже был бы сейчас мертв.

– Вы его уже допрашивали? – уточнил Ашот.

– Ну не то чтобы допрашивали, сами понимаете, в каком он сейчас состоянии – шок. Да еще весь в ссадинах и порезах. Только и успели спросить, что видел, а потом сразу отпустили. Пусть себя в порядок приведет, потом вызовем.

– А... а причина? Она уже известна? – заглядывая через плечо собеседника в бывший директорский кабинет и морщась от увиденного, вновь спросил Ашот.

– Насколько мы можем судить со слов секретарши, Пожаров получил какую-то посылку, – продолжил мужчина с усиками, скорее всего следователь. – Как она сказала, ее прислали какие-то компаньоны, партнеры, в общем, это еще нужно уточнить. По всей видимости, в посылке и содержалась взрывчатка, – подытожил он. – Хорошо еще, успели быстро затушить пожар, иначе от вашего ресторана вообще ничего не осталось бы.

– Я не знал ничего ни о какой посылке, – глухо произнес Ашот. – Так кто, вы сказали, ее видел?

– Секретарша. Наши люди ее как раз ищут, чтобы допросить, – пояснил усатый.

– Хорошо, я пришлю ее сейчас, – кивнул Ашот и снова направился к выходу.

Оказавшись на улице, он поискал глазами Надежду и, заметив ее взлохмаченную светлую голову неподалеку от еще не уехавшей пожарной машины, направился туда. Девушка стояла одна, нервно теребя в руках носовой платок и то и дело всхлипывая и громко сморкаясь. Оказавшись за ее спиной, Ашот тихо кашлянул, а когда она повернулась, спросил:

– Следователь сказал, что ты видела, как Эдуард Георгиевич получил какую-то посылку. Ты знаешь, от кого она была?

– Точно нет, но думаю, что от каких-нибудь компаньонов. Я следователю так и сказала.

– А как к ней отнесся Пожаров?

– Как? Обрадовался, конечно, – ответила женщина. – Кому же не приятно подарки получать?

– Ничего себе подарок, – покачал головой Ашот. – Убийственно замечательный. И черт его еще знает, от кого.

– Я так подозреваю, – Надя потянула Ашота подальше от машины, – что это проделка его врагов. У нас у всех ведь есть враги... Значит, и у него были.

– Каких еще врагов? – ничего не понимал Мачколян. – За что? Разве он занимался чем-то незаконным и кому-то помешал?

– Ну не знаю, вам-то должно быть виднее, – повела пле-

чами женщина. – Только вот случайно-то никого убивать не станут. Только за что-то серьезное. Кому-то, наверное, все же помешал. Или не сделал, чего требовали.

– Помешал? – с трудом сглотнув слюну, глухо повторил Ашот и буквально побелел.

– Ой, что с вами? – напугалась секретарша. – Может, вам водички принести или лекарство какое?

– Нет, не стоит, – активно замотал головой Ашот, до которого только сейчас дошло, что тот выстрел, так напугавший их компанию утром, адресовался вовсе и не Максимову, а ему лично. Ему, Ашоту, только вот почему? Что такого плохого он сделал, кому помешал? Он не в силах был этого понять, но в то же время просто обязан был разобраться в происходящем и найти истину, но для этого ему нужна тишина.

– Вы лучше идите к следователю, он хотел о чем-то вас спросить, – велел он сердобольной женщине. – Я в порядке.

– Вы уверены? – не верила ему Надежда. – На вас же лица нет! Выглядите так, словно вы демона увидели. Понимаю, это для всех нас большое потрясение, но не стоит себя так мучить... С кем не бывает.

– Все, Надя, идите! – сквозь зубы процедил Ашот, которого навязчивость секретарши начинала уже раздражать. – Бегом! – поторопил он ее.

Изумленная и немного растерянная женщина одной рукой поправила свои и без того торчащие в разные стороны волосы и, пожав плечами, заторопилась прочь. Оставшись один,

Ашот вернулся в свой джип, сел в него и, захлопнув дверь, задумался: что же это получается – его, так же как и директора «Желтой горки», пытались убить? И если бы не случайность, если бы не Граф, бурно выражавший свою радость, им бы это удалось. А Максимов тут совсем и ни при чем. Но за что? Что такого он сделал? Ашот попытался вспомнить все свои поступки, могущие кому-то показаться неблагоприятными, но ни один из них и близко не лежал с теми, за которые можно было бы убить человека. Вот разве что Пожаров что-то намудрил... Но в том-то и была вся проблема, что никаких дел с Пожаровым Мачколян не вел.

Ашот вновь почесал затылок, и тут вдруг до него дошло: его посчитали союзником и компаньоном Пожарова. Наверняка именно так, ведь он тоже имеет свою долю от ресторана, а значит – должен знать обо всем, что в нем творится. Следовательно, будет очередное покушение.

Впервые за долгое время Мачколян впал в панику и испытал самый настоящий ужас. Он всегда любил жизнь и не желал расставаться с ней вот так, не сделав всего, что было задумано. Даже там, в армии, в самых горячих точках, он так не паниковал, там у него была надежда на себя и на удачу, и только лишь от его меткого глаза и твердой руки зависело, останется ли жив он и тысячи других людей, которых он обязан был спасать. А тут, когда кто-то действует исподтишка, на что оставалось надеяться?

С большим трудом Ашот заставил себя успокоиться и, по-

кинув машину, снова отправился в ресторан, чтобы заново его осмотреть и оценить ущерб. А затем, возможно, приступить к руководству и отдать распоряжения касавшегося ремонта, ведь жизнь-то пока продолжается, а надежда, как известно, умирает последней.

* * *

Трое мужчин, расположившихся на стареньком, покрытом зеленым покрывалом диванчике, задумчиво смотрели кто в пол, кто в потолок. Стоящий на холодильнике маленький телевизор, прозванный среди спасателей «арбузом», вот уже несколько часов безостановочно передавал какие-то программы, но на него никто не обращал внимания. И даже немецкая овчарка, такой же член спасательной команды, как и остальные, казалось, была чем-то озабочена и грустно глядела перед собой, иногда издавая какие-то постанывающие звуки.

— Черт, в голове не укладывается, за что же так с директором «Желтой горки», — наконец, не выдержав, произнес мужчина с взъерошенными волосами. Им, конечно же, был Максимов, прическа которого полностью отражала то, что вечно творилось в его голове, — непрерывно извергающийся вулкан фантазии.

Никто ему не ответил. Замолчал и Максимов.

Величко занялся собакой. А Валентин Грачев, глядя на

нее, вспоминал, как обрадовалась его жена, когда он сказал, что теперь станет получать деньги еще и в спасательной службе. Работа практикующего психолога ему нравилась и даже приносила удовлетворение, но она не давала стабильного и постоянного заработка – все зависело от количества клиентов, которых Валентин успевал обслужить в течение месяца. Но месяцы были разные, клиенты сами решали, когда им к нему обратиться, а потому иногда доходило до того, что Валентину было стыдно возвращаться домой. Он понимал, что в такие моменты сидел на шее у жены, которая, как могла, старалась прокормить его и двух сыновей. Сейчас все поменялось, и он твердо знал, что уж определенную-то сумму принесет в семью обязательно.

К тому же работа действительно была не слишком пыльной. В городе не так часто случалось что-то катастрофическое, а потому большую часть своей смены им приходилось просиживать в тесной камере, глядя в опротивевший уже давно телевизор. За все то время, что он уже успел проработать тут, ему лишь пару раз приходилось выезжать. Несколько раз, чтобы вскрыть дверь, захлопнутую по случайности владельцем квартиры, не имеющим при себе ключей. Один раз пришлось побывать на ДТП, где они с друзьями в течение почти двух часов буквально вырезали гидравликой труп водителя «Пежо», машина которого влетела на скорости под грузный «КамАЗ» и превратилась в лепешку.

Повисшую паузу снова нарушил Максимов. Он, един-

ственный из всей бригады, не умел сидеть спокойно и чего-то ждать. Его энергия требовала выхода, и его бесило, когда он не находил, куда себя деть.

– Ну что, может, сгоняем прямо сейчас к нашему толстячку? Все равно вызовов пока нет. Хотя узнаем, как он там проживает.

– А до завтра подождать никак нельзя? – не двигаясь с места, вяло переспросил Величко. – Или у тебя в порядке вещей смываться с работы, когда тебе надо?

– Терпеть не могу всякие там ограничения, – замахал руками Андрей. – Куда как лучше по свободному графику: когда надо – пришел, когда надо – ушел.

– Ну, знаешь, катаклизмы и несчастные случаи под тебя подстраиваться не станут, – заметил на это Грачев. – Так что сиди и не рыпайся. Никуда твой Ашот не денется.

* * *

– Новая вывеска готова. Отлично, – вяло черкая что-то на листе бумаги, произнес Мачколян. – Как только доставят, сразу сообщите мне.

С того злополучного дня, как произошел взрыв в ресторане, он и дневал и ночевал в нем, даже отпросился с работы в МЧС. Поняв, что, ожидая очередного покушения, просто не сможет спать спокойно, Мачколян предпочел в самые кратчайшие сроки вернуть свое заведение к жизни и возоб-

новить его работу, а потому приходил рано утром и уходил далеко за полночь. За несколько промелькнувших, как одно мгновение, дней он успел сделать очень многое. Нанятые им работники буквально с ног валялись, стремясь уложиться в назначенный им срок.

В первую очередь, конечно, был разобран завал на месте директорского кабинета. С этим помогли справиться коллеги из службы спасения. Нанятые же работники позаботились об окнах, поставив вместо старых деревянных рам пластиковые. Мебель в главном помещении была отмыта силами самих служащих, шторы перестираны, мусор убран. Ресторан уже был практически готов к работе.

Переминаясь с ноги на ногу, секретарша Надя, так и оставшаяся пока на своем месте, ожидала дальнейших распоряжений нового босса, успевшего за время ремонта еще и оформить все необходимые документы для того, чтобы занять место погибшего Пожарова. Новый босс ей не особенно нравился, так как не проявлял к ней никакого особого внимания, в отличие от прежнего директора. Но пока еще у нее оставалась надежда, что вскоре его отношение к ней изменится в лучшую сторону: как с Эдиком, любовницей которого была.

Впрочем, знали об этом единицы, а она и не особенно хвалилась, предпочитая держать это в тайне. А теперь, когда это место опустело, необходима была замена, и она надеялась, что та не замедлит появиться. Сейчас Надя очень рассчиты-

вала на Мачколяна, так как совершенно не хотела терять не только теплое местечко, но и все привилегии, причитающиеся за удовлетворение прихотей начальника. Внешний же вид Ашота и тем более его габариты ее нисколько не смущали. Лишь бы мужчина был состоятельный.

Поняв, что Мачколян практически позабыл про нее и погрузился в какие-то свои мысли, а может, и вовсе уснул, забыв закрыть глаза, она ослепительно, по ее мнению, улыбнулась и ласково пропела:

– Какие-либо еще распоряжения будут?

– А, нет, – махнул в ее сторону рукой Ашот. – Можете быть свободны.

– Ашот Ваграмович, – залепетала вновь женщина, – может, и вам следует немного отдохнуть, устали ведь. Хотите, диванчик застелю?

– Нет, не нужно, – кое-как силясь удержать веки открытыми, пробубнил в ответ Ашот. – Я еще не все сегодня сделал.

– Так сделаете позже. – Секретарша приблизилась к нему и, поместив свои изящные ручки на его плечи, принялась ласково поглаживать их. – Работа, она ведь не волк, – соловьем напевала она ему на ухо, – в лес не убежит. А вы вздремните часок, увидите, сразу легче станет.

Глаза Ашота, и без того тяжелые и словно налитые свинцом, закрылись, и не было уже никакой возможности открыть их снова. Да и желания делать это не было тем более. А тут еще этот слащавый голосок, так приятно убаюкиваю-

щий и расслабляющий. Ашот перестал сопротивляться и даже сам не заметил, как в следующую минуту перекочевал в страну снов, а его брненное тело начало колыхаться то вверх, то вниз от раскатистого храпа, что вырывался из его уст.

Надежда брезгливо поморщилась, но потом все же достала из стоящего в кабинете шкафа-купе небольшую подушку, сунула ее под голову Мачколяну и, вздохнув, покинула кабинет. Вернувшись за свой стол, достала из ящика кипу ярких журналов и, открыв первый, увлеченно уставилась на высокую стройную фотомоделю, демонстрирующую всему свету шикарный наряд из тонкого льна.

В это время у входа в ресторан остановились две машины: черный «Мерседес» и неопределенного мутно-серого цвета «Фиат». Из них выбрались шестеро высоких мужчин. На пяти из них были светлые рубашки и темные брюки с четко проглаженными стрелками. И только один в этой компании был словно белая ворона. В отличие от остальных он был одет в обычные серенькие джинсы со множеством прибабасов, карманов и нашивок, и майку с абстрактной композицией на плече.

Причем, как было видно со стороны, именно он и заправлял остальными детинами, несмотря на некоторую разницу в возрасте с ними. Парню было не более двадцати пяти, тогда как остальные выглядели лет на пять-шесть старше.

Вся эта необычная компания сгрудилась в общую кучу, выслушала то, что им проямлил этот парень с длинной,

спадающей на лицо челкой и коротким хвостиком на затылке, а затем важно стала подниматься по ступенькам к центральной двери ресторана. Заметивший их сразу охранник немедленно заволновался, понимая, что ничего хорошего эти люди ему не принесут, а потому поспешил сообщить секретарше о незваных гостях. Не успел он сообщить женщине, что именно за гости прибыли, как дверь в ресторан распахнулась, и в нее ввалилась вся эта бригада. Всячески демонстрирующий свою важность и значимость длинноволосый парень щелкнул двумя пальцами в воздухе и свысока посмотрел на молодого охранника. Его телохранители, а это, по всему видно, были именно они, сразу остановились и замерли, как истуканы.

– Ну-у, – промычал подобно недоеной корове этот самый важный гость, глядя на охранника. – Е-мое, козявка... и где твой босс?

– Он... он у себя в кабинете, – испуганно промямлил в ответ тот.

– А че он там до сих пор делает? – продолжал понтоваться парень. – Почему дорогих гостей не встречает? – возмущенно закончил он.

– О-о-он занят, – снова едва ворочая языком, ответил охранник.

Он прекрасно знал этого белобрысого типа. Это был сын авторитета, держащего в своих руках весь этот район и снимающего со всех проценты за работу на его территории.

Иными словами, парень представлял «крышу» этого ресторана, и к нему следовало прислушиваться.

– Занят? – возмущенно взметнул брови вверх белобрысый. – Как это занят и чем? Разве у него могут быть какие-то более важные дела, когда я здесь?

– Я точно не знаю, с-спросите у секретарши, – заикаясь, перевел стрелку охранник и с облегчением вздохнул, когда ничего не ответивший ему гость резко повернулся к следующей двери и направился к кабинету нового директора. Остальные последовали за ним, не меняя тупых выражений своих лиц, и только последний треснул охранника по спине кулаком да еще при этом проговорил:

– В следующий раз будь умнее, козявка.

Предупрежденная заранее секретарша, все же не успевшая разбудить новое начальство, встретила посланцев защитника Савельева Бориса Олеговича широченной улыбкой. Так делать научил ее сам Пожаров, когда давал первые ЦУ. Тогда он особенно заострил ее внимание на том, как следует вести себя с самыми уважаемыми людьми и гостями ресторана. Науку она усвоила быстро и постоянно ее применяла, смекнув, что это для ее же пользы.

При виде расфуфыренной женщины, явно пытавшейся скрыть под слоем косметики свой настоящий возраст, сынок Савельева гаденько заулыбался и, нагло усевшись прямо на стол, произнес:

– Ну что, красавица, хоть ты рада меня видеть!

– Мы всегда рады гостям, – выдала она заученную фразу.

– Это хорошо, так и должно быть, – похвалил он ее, потрепав за начавшие уже обвисать щеки. Затем достал из кармана несколько банкнот, достоинства которых Надежда даже не успела толком рассмотреть, и сунул их ей в вырез платья,ставляющий напоказ все имеющиеся у женщины прелести, авторитетным тоном заявив: – За хорошую работу нужно достойно платить.

Секретарша залилась румянцем и смущенно опустила взгляд.

– Ну, где там ваш новый директор? – став чуть более серьезным, поинтересовался парень.

– Он у себя в кабинете зас... – чуть было не сказала лишнего женщина, но вовремя спохватилась и тут же добавила: – Занимается бумагами. Вы же, наверное, слышали, какая у нас беда приключилась? Сейчас столько дел в связи с этим!

– А что это тогда за шум? – спросил Савельев-младший, прекрасно расслышавший доносившийся даже сюда храп Ашота.

Женщина неопределенно пожала плечами и заискивающе спросила:

– Может быть, чайку? А я пока директора предупрежу, он к вам сам выйдет.

– Не стоит, мы не гордые, сами к нему пойдем, – нагло бросил парень и, подойдя к двери, с силой ударил по ней ногой. Дверь не поддалась, но это нисколько не смутило бело-

брысого, и он, повернув ручку, повторил свой прием. Дверь резко распахнулась и, ударившись о стену с другой стороны, издала громкий стук.

Глава 3

Мачколян вернулся на грешную землю от какого-то странного ощущения. Похоже было на то, что по нему ползает нечто невероятно противное и липкое. И эта мерзость еще и оставляет после себя слизистый след на его лице. Вздрыгнув от ужаса, Ашот открыл глаза и только в эту минуту понял, что никаких непонятных мерзостей возле него нет и не было, просто кто-то самым наглым образом льет на его голову теплую протухшую воду из вазы.

Не в силах понять, что это за наглец такой над ним издевается, и не сразу заметив толпящихся у двери мужчин, Мачколян тряхнул головой, разметав вокруг себя капли воды и обрызгав ими и Савельева-младшего, и нескольких его людей. Затем с громким рыком гориллы Ашот поднялся со стула и, не разбираясь ни в чем, схватил хулигана за волосы. Только вот сделать ничего не успел, так как на него сразу же кинулись все пять головорезов, в два счета скрутили и бросили на пол.

– Зря ты так, мистер дерьмо, – зловеще прошипел над его головой парень. – Такого отношения к себе Савельевы не терпят и не прощают.

– Ты кто такой? – сипло выдохнул Мачколян.

– А я, Ашот Ваграмович, ваш «папа».

– Кто? – иронично переспросил Мачколян и даже слегка

усмехнулся, за что сразу же словил удар ноги по ребрам, заметно обмяк и притих.

– А то ты не догадался, урод, – зло бросил Савельев-младший. – Я крыша вашего лоховского крысятника, мать твою. Так доступно объясняю, помойная ты яма?

– С такими, как ты, я дел не имею, – выудив из памяти информацию о том, что некий Савельев действительно при прошлом директоре заботился о спокойной жизни их заведения, промямлил Ашот. – Если что-то нужно твоему папаше, пусть приходит сам.

– А вот это не тебе решать, мразь, – повторив удар, буркнул парень. – Мы без соплей знаем, что нам делать. А теперь слушай сюда, директоришка, – присев прямо напротив его лица, продолжил говорить Савельев-младший. – Моему папаше, да и мне лично тоже, интересно знать, когда ты вернешь деньги за партию товара, пингвин безмозглый?

– Похоже, вы ошиблись адресом, – с трудом сглотнув застрявший прямо посреди горла ком, проговорил Ашот. – Все эти дела вы решали с Пожаровым, я к ним никакого отношения не имею.

– Ну да, так уж и не имеешь? – не поверил ему парень. – А я вот имею информацию, что ты состоял в доле с Пожаровым и именно потому сейчас и занял это место. Кстати сказать, есть подозрение, что именно с твоей легкой руки Пожарова раскопчегарило по стенам. Или не так?... Вот только не надо отмазок, я этого не люблю – меня вообще чужие разборки

не колышут, но деньги или же сам товар ты вернуть обязан.

– Еще раз повторяю, я не в курсе дел Пожарова, – принял еще одну попытку прояснить ситуацию Ашот. – Я не знаю ни про какой товар.

– Ха-ха-ха, – передразнил его Савельев. – Эти сказочки ты своим внукам расскажешь, если, конечно, доживешь, а вот мне баки забивать не надо. И потом, проблемы негров шерифа не заботят. У меня нет времени заниматься чужой работой и выяснять, кто и что у вас делал. Я свое слово сказал, не будет товара или денег, можешь считать себя трупом, а свой ресторан сортиром. Я тебе это гарантирую.

Мачколян не посмел ему возразить, так как неожиданно в его памяти всплыл чей-то рассказ о том, как Савельев со своими ребятами разбирался с несогласными платить бизнесменами. Лучше уж не рисковать собой, коли такое дело. Но и платить за то, к чему он не имел никакого отношения, тоже не особенно хотелось, а потому Мачколян скромно попросил:

– Пусть они отпустят меня. Есть несколько вопросов.

Белобрысый знаком велел своим телохранителям отпустить Ашота, и те сразу же послушно от него отступили. С трудом поднявшись с пола, Ашот утер рукавом выступивший на лбу пот и, опираясь рукой о крышку стола, встал. Затем кинул беглый взгляд на каменные лица бандитов, а потом перевел его на их босса. От увиденного – почти детское лицо со множеством конопушек на маленьком вздернутом

носики, пренебрежительно искривленные тонкие губы и редкий пушок на подбородке – Мачколян чуть было не прыснул, но удержал в себе этот порыв и, кашлянув, сказал:

– Для начала мне бы хотелось узнать, за что Пожаров был вам должен, так как я действительно этого не знаю, но и платить пока не отказываюсь, – торопливо добавил он на всякий случай. – Разъясните мне, неразумному, в чем проблема.

– А проблема, братан, в том, – одним скачком запрыгнув на крышку стола и свалив своим ерзающим задом все лежащие на нем принадлежности на пол, заговорил парень, – что твой дружбан взял у нас на реализацию партию наркоты. Обещал продать и деньги вернуть, оставив себе только за работу. Но, увы, не успел. И где теперь сам товар или деньги за него? Тю-тю... Ан нет, нас такой поворот событий не устраивает, так что тебе придется за него расплату вести, если жить хочешь.

– Сколько было товара и сколько денег он вам за него должен был вернуть? – совсем уже серьезно, да тут было и не до смеха, спросил Мачколян.

– Два миллиончика, ну и проценты за задержку, конечно, – не задумываясь отчеканил паренек и победоносно улыбнулся, с удовлетворением наблюдая за озабоченным лицом этого толстого мужика. Затем взял со стола карандаш, отрешенно посмотрел на него, скорее косясь на Ашота, нежели интересуясь необычным рисунком карандаша, а потом вдруг с треском переломил ни в чем не повинный пред-

мет и отбросил его части на пол. – Короче, думай сам, ласточка, – насмешливо продолжил он. – Либо ты все возвращаешь, либо отправляешься за своим бывшим боссом.

– Мне необходимо некоторое время, чтобы собрать такую сумму, – опасливо покосившись на парня, проговорил Мачколян. – Сами понимаете, я в этом деле еще человек новый. Должна быть хоть какая-то скидка.

– Ну несомненно, – спрыгнув со стола на пол, ответил Савельев-младший. – Время мы тебе дадим... неделю.

– Да вы что, издеваетесь? – возмутился Мачколян. – Где я возьму столько бабок за такой короткий срок?

– И один час, – присовокупил к сказанному блондин и ехидно улыбнулся. – Жди нас через неделю и один час, и не думай улизнуть, – бросил он через плечо, уже направляясь к дверям. – Мы за тобой приглядим, растолстевшая ласточка ты наша. Ха-ха-ха.

Неприятный холодный смех раскатился эхом по коридору, и не успели спины незваных гостей исчезнуть из поля зрения, как в кабинет Ашота влетела встревоженная секретарша и прямо с порога воскликнула:

– Ашот Ваграмович, с вами все в порядке?! Ой... – Она всплеснула руками, заметив ссадины на лбу Мачколяна. – Они вас что, били? – ужаснулась она.

Но спустя минуту уже засуетилась: принялась искать платок, ватку, какие-то то ли мази, то ли кремы. Усадила несопротивляющегося Мачколяна в кресло и начала кудахтать

над ним, словно курица над выводком цыплят.

– Ашот Ваграмович, да что ж это у нас такое творится? Прямо черная полоса какая-то, – сетовала секретарша. – Что ни день, то неприятность случается. Прямо боязно на работу ходить. И эти жуткие типы... Они ведь что-то от вас хотели. Ох, не к добру все это, не к добру. Надо что-то делать, и как можно скорее. Может, вам отпуск взять, да и я на море давно не была. А потом...

Не обращая никакого внимания на чирикание Надежды, Ашот тупо смотрел в стену, не слыша и, пожалуй, даже не видя ничего. Его занимал всего один-единственный вопрос: где взять такую огромную сумму? Он даже представить себе не мог, как выглядит подобная куча бабок, где уж там хоть раз ее видеть.

– Ашот Ваграмович, Ашот Ваграмович, – трясла его за плечо Надежда. Ашот вздрогнул и повернул к ней лицо. – Может быть, вам для успокоения нервов коньячку принести?

«Напиться? А почему бы и нет. Проблем это, конечно, не решит, но хоть на какое-то время легче станет», – подумал Ашот.

– Неси, – решительно сказал он. – Коньяк, тот, что самый дорогой и самый крепкий. И пару бокальчиков захвати, не люблю пить один.

– Ага, я сейчас, – засуетилась женщина и торопливо ринулась к двери выполнять просьбу своего нового начальства.

Ашот зачем-то обвел взглядом свой кабинет, и в голове

у него мелькнула мысль, что правильно все же поступил Пожаров, не установив в собственном кабинете бар, иначе работорговать было бы уже некогда, такой соблазн.

Надежда вернулась минут через двадцать. Поставила перед Ашотом на столе два высоких фужера и уже откупоренную бутылку с дорогим и более других выдержанным вином. Даже не поинтересовавшись, почему не коньяк, Ашот хозяйской рукой подвинул бутылку к себе, вытащил из горлышка пробку и налил едва ли не по полному бокалу. Сейчас он собирался напиться, а потому было не до соблюдения правил приличия.

– Ну, Надя, давайте с вами выпьем, – подняв свой бокал высоко вверх, громко произнес Ашот.

Надя натянуто улыбнулась, и тут же до уха ее долетел трезвон телефона.

– Ой, кажется, кто-то звонит, – спохватилась она.

– Хер бы с ним, пусть звонит, – махнул рукой Ашот. – У вас перерыв!

– Ну если только так... – вновь заулыбалась женщина и тоже поднесла к губам бокал.

Ашот опустошил свой до капли одним глотком и налил еще. Но не успел он даже взять его в руку, как в дверь кто-то постучал.

– Кого еще черти несут? – недовольно проворчал Мачколян, внутренне закипая.

– Я сейчас посмотрю и все улажу, – поспешно вскочив со

стула, пообещала секретарша.

Но как только она сделала шаг к двери, та сама распахнулась, и Ашот увидел троих мужчин в форме. Судя по нашивкам, это были представители Федеральной службы безопасности.

– Эти что, тоже по мою душу? – сыронизировал Ашот, со стуком опустив бокал на стол и привстав со своего места.

Стоящий в дверях гражданин с опухшей мордой приличных габаритов как-то неприятно усмехнулся и, важно прошествовав в кабинет, уселся на стул, который пару минут до этого занимала секретарша, сейчас застывшая с открытым ртом в центре кабинета. Мордоворот окинул пренебрежительным взглядом рабочий стол Мачколяна, двумя пальчиками, словно это было нечто крайне омерзительное, взял недопитый бокал Надежды, понюхал вино и с вызовом, намеренно утрируя кавказский акцент, произнес:

– Ну что, пьешь, дорогой?

– Ну, пью, а что? – в том же тоне откликнулся Мачколян, которого, наверное, уже больше ничто не могло удивить или вывести из себя – он и без того был на взводе. – Или это запрещено?

– Ух ты, а чегой-то мы такие борзые, да еще в присутствии органов? Или на нары захотел, парашу понюхать? – пропел в ответ совсем уж слащаво фээсбэшник.

Мачколян подозрительно прищурился, прощупал своим цепким взглядом каждого посетителя, затем упер руки в бо-

ка и приказным тоном произнес:

– А ну гоните удостоверения, или что там у вас есть? Думаете, меня можно как лоха развести? На испуг взять? Не выйдет.

– И зачем же тебе наши удостоверения? – вольготно раскинувшись на стуле и даже положив одну ногу на другую, усмехнулся мордоворот. – Наверное, почитать захотелось? А нам, уважаемый, никакие корки и не нужны, мы и сами по себе, без них, многое можем.

– Так я и думал, – вздохнул Ашот, понимая, что его подозрения подтвердились. Эти ребятки вели себя чересчур нагло для фээсбэшников. Неясно, правда, самое главное: какой черт их принес?

Взгляды мужчин скрестились, а затем Ашот спросил:

– Зачем пришли? Чего надо? Насколько я помню, я вас к себе не приглашал.

– А нам, собственно, никаких приглашений и не требуется, умник ты наш, – неожиданно бросая на стол корочки работника Федеральной службы безопасности, ответил парень.

Ашот попытался дотянуться до документа, но мужчина торопливо заграбастал его назад и торопливо сунул в карман.

«Нет, они все же не из ФСБ, – вновь повторил для себя Ашот. – Хотят казаться фээсбэшниками, но до них им далеко. Наверняка документы либо липовые, либо давно просрочены. Ну да ничего, они за это все равно рано или поздно

свое получают».

– Может, хватит меня приманками-обманками кормить? – грубо изрек Ашот. – Говорите, чего приперлись? А ты, – это он обратился к секретарше, – марш отсюда! И дверь за собой прикрой.

Надежда не стала ждать повторения приказа и, возмущенно тряхнув своей светлой гривой, исчезла за дверью, с силой захлопнув ее за собой. Ашот вернулся в кресло, покрутился в нем, облокотился на стол, поинтересовался:

– Мне еще долго ждать?

– Хм, – непонятно к чему выдал этот звук очередной непрошенный гость. – А нам сказали, ты попроще. Ну неважно, короче, так... Мои ребята получили информацию, что ваше заведение занимается хранением и распространением наркотических веществ.

– Занималось, – поправил его Ашот, к себе все сказанное никак не относя.

– Бизнес этот хорошо налажен, и очень давно, – не обратив внимание на его слова, продолжил тип, – деньги приносит немаленькие. Да только вот что-то менты вас не трясут, глазки на все закрывают. Это, конечно, замечательно, так и должно быть, но все же некрасиво. – Мужчина снова взял все тот же бокал с вином и, медленно перевернув его, вылил содержимое прямо на бумаги. – Да, очень некрасиво, когда с теми, кто об этом знает, не желают делиться.

Ашот недовольно покосился на залитый липким зельем

стол, проклиная сегодняшний день, в который ему так жутко не везет, и глаза его сами собой налились огнем. До боли сжав пальцы, он между тем совершенно ровным и спокойным голосом раздельно произнес:

– Жаль вас разочаровывать, мальчики, но вы не по адресу. Прежний директор тью-тью, – Ашот завел глаза под потолок, – а я подобной мерзостью не балуюсь. Ошибочка вышла. В следующий раз вовремя обновляйте свою информацию. А теперь попрошу не мешать, – он указал рукой на дверь кабинета, – дела у меня.

– Не спеши нас провожать, мы же ведь не все еще сказали, – даже не попытался встать со стула мордоворот. – У нас же доказательства есть бесспорные. Признания нескольких человек, которые наркоту у вас брали. В письменном виде. А также кассета с записью продажи наркоты прямо в зале. Спорим, что судьям плевать будет, кто нынче, а кто вчера рестораном управлял? Упекут далеко и надолго. Ну так что, все еще не передумал нас выгонять?

Псевдофээсбэшник вопросительно уставился на Ашота. Мачколяна буквально трясло. Он готов был голыми руками поубивать всех тех, кто сегодня не давал ему нормально жить, – ненависти и злобе его в эту минуту не было предела. Но в то же время где-то в самом отдаленном уголке его сознания раздавался мерзкий шепоток: «А ведь они правы, Ашотик. Если обладают такими уликами, не гулять тебе больше на свободе. Посадят. Непременно посадят и не спро-

сят, был ли в доле, не был ли. Ты уж не горячись, прикинь, что да как, и соглашайся».

На некоторое время в кабинете повисла пауза, а затем Ашот тихо произнес:

– Я хочу видеть запись.

– Запросто, – снисходительно улыбнулся «фээсбэшник».

Затем один из пришедших с ним ребят молча подошел к видеомэгнитофону, вставил в него кассету и запустил воспроизведение. Мачколян затуманенным взглядом уставился на экран, на котором замельтешили какие-то стены, столики, бутылки, чьи-то спины. Затем показались пакетики с белым порошком, деньги. Ашот смотрел на все это и не верил, что те люди, которые работали рядом с ним, пусть и не в кухне, а в главном зале, занимались продажей наркотиков. Прямо в этом самом зале.

– Ну как, впечатляет? – любопытствовал главный шантажист. – Но это только копия, есть еще и оригинал. Сам видишь, заведение ваше, люди тоже. Кто докажет, что директор и его компаньон не были в курсе всего происходящего? Угадал, никто... Так что, мил человечек, если не хочешь, чтобы эта кассета попала прямо по назначению, гони бабло.

– С-сколько? – заикаясь, спросил Мачколян.

– А как ты думаешь, на сколько все это тянет? – в свою очередь переспросил мордоворот.

– Не знаю, но в любом случае у меня сейчас нет денег. Вы же видели, у нас был пожар, – попытался выкрутиться Ашот.

– Так уж и нет? Неужто навар с продажи наркотиков совсем мал? – издевался мордоворот. – Вот уж ни за что не поверю! Так что давай, дядя, шевели мозгами, мы ведь никуда не торопимся, весь день здесь просидеть можем.

Словно в подтверждение своих слов, мужчина взял недопитую бутылку вина, кинул ее своим парням, а сам встал и принялся прохаживаться по кабинету туда-сюда, лапая все, что только попадало под руку. Мачколян нервно ломал руки, пытаясь придумать, как отвертеться от этих парней. Наконец выход был найден, и он бодро произнес:

– Хорошо, я заплачу вам, но только через две недели.

Мужчина присвистнул:

– Через сколько?

– Через две недели, – устало повторил Мачколян. – К сожалению, вы не первые, кто с меня денег требует. Были до вас и другие, а я не монетный двор, купюры сам не печатаю, должны понимать.

– Что ж, – вымогатель почесал в затылке. – Пожалуй, мы можем дать тебе время, но только сразу оговорюсь: две недели и ни днем больше. В противном случае кассета попадет куда нужно, и мы особенно позаботимся о том, чтобы тебя упекли по максимуму. Расклад ясен?

– Вполне, – нервно сглотнул слюну Ашот, мысленно пытаясь прикинуть, что он станет делать через неделю и тем более через две. Впрочем, второй может уже и не быть. С ним разделяются еще по истечении первой. Действительно,

как любит говорить Максимов, жизнь – вроде зебры: полоса белая, полоса черная, полоса белая, полоса черная... а потом – жопа.

«Кстати, насчет Макса, – Ашот напряженно замер. – Интересно, было ли на него еще одно покушение или все же нет? Ведь не похоже, что на его жизнь кто-то мог посягнуть: всем нужны деньги, а не его шкура. Нет, что-то тут как-то не сходится, не срастается. А ведь ребята помощь предлагали, еще тогда...»

Ашот осторожно покосился на разбредшихся по его кабинету незваных гостей и, оставив свои размышления на потом, спросил у главного:

– Ну так мы обо всем договорились, или как?

– Пожалуй, что да, – решив, что обсуждать больше нечего, ответил мордоворот и на прощание добавил: – Не вздумай с нами шутить, мы шуток не любим.

Ашот ничего не ответил, а только молча проводил взглядом псевдофээсбэшников и рухнул в кресло. Пить уже совершенно не хотелось, хотелось кого-нибудь убить особо зверским способом. А тут еще эта навязчивая секретарша – заметив, что неприятные посетители ушли, Надежда поспешила вбежать в кабинет и засыпать Мачколяна целой кучей идиотских вопросов. Сделала она это зря, так как Ашот, просто не в силах сдерживаться, схватил со стола один из бокалов и швырнул в нее. Секретарша громко взвизгнула и пулей вылетела из кабинета.

«Что делать? Что делать? – мучил себя вопросом Мачколян. – Как избавиться от всех этих назойливых кровососов? Они что, думают, у меня тут склад денег?»

Неожиданно Ашот снова вспомнил о наркотиках. А ведь они где-то должны храниться, если, конечно, остались.

Нервно вскочив с места, Мачколян выдвинул ящик стола, достал оттуда связку ключей от всех помещений ресторана и заторопился к двери. Проходя через приемную, бросил секретарше:

– Пошли со мной.

– Куда? – просто не могла не любопытствовать женщина.

Он не ответил, решительным шагом направляясь к кладовой, расположенной прямо под рестораном. Оказавшись возле двери, в нее ведущей, открыл замок одним из ключей и стал спускаться по лестнице вниз. Ничего не понимающая секретарша, ворча себе что-то под нос, последовала за ним.

Спустившись в подвал, Ашот окинул рассеянным взглядом помещение, сам еще толком даже не зная, что именно ищет.

– Что случилось-то? – теребила его Надежда. – Я могу как-то помочь?

– Ищи какой-нибудь потайной шкаф, не знаю, что еще, – начав торопливо ощупывать все выступы каменной стены, командовал Ашот. – Здесь должно быть что-то такое, куда можно спрятать наркотики. Кстати, – неожиданно резко он

повернулся к женщине и уставился на нее вопросительным взглядом: – Ведь ты же спала с Пожаровым!

– Да, – покраснела и вздрогнула Надежда.

– Ты должна знать все о том, чем он тут занимался и где хранил наркотики. Я уверен, что они спрятаны где-то в ресторане.

– Я ничего не знаю, – испуганно замахала руками секретарша. – Я только бумаги... Я совсем не интересовалась. Слышала, но...

– Где этот потайной шкаф? – зло прорычал ей прямо в лицо Ашот.

– Н-не знаю, – от испуга начала заикаться женщина.

– Не верю, ты должна знать! – вновь вскричал Ашот.

И тут она, закрыв лицо руками, завывала, как делают многие женщины, желая избавиться себя от ответов на какие-то вопросы.

Это ей вполне удалось, так как Мачколян не стал упорствовать, лишь злобно сплюнул и бросил в адрес женщины какое-то ругательство. После чего отошел к стене и продолжил свое обследование. Сантиметр за сантиметром он ощупывал каждый камень, то надавливая на стену, то просто стуча по ней. Когда все четыре стены были обшупаны и обстуканы, перешел к полу. Перевернув все бочки, зло процедил несколько ругательств и устало присел на один из бочонков.

– Должен, должен здесь где-то быть тайник, – вслух высказал он свои собственные мысли. – Не поверю, что его тут

не было.

– Я не знаю, – похоже, все остальные слова секретарша забыла.

– Пошла вон! – бросил ей Мачколян, понимая, что если она не исчезнет, то он наверняка опять сорвется. Лучше уж покалечить пару бутылок, нежели живого человека – кто знает, может, она и в самом деле об этом представления не имеет?

Дробно стуча каблучками, женщина быстро вбежала по лестнице вверх и исчезла из поля его зрения. Ашот остался один.

Посидев минут десять, он снова занялся поисками тайника, хотя уже не было никакой надежды на него наткнуться.

...Исползав почти что все потаенные уголки ресторана, в итоге Мачколян сумел обнаружить только несколько вынимающихся в некоторых местах кирпичей, за которыми была одна пустота. Все, что здесь когда-то лежало, давно исчезло, причем бесследно.

Поняв, что ему сегодня окончательно не везет, Ашот вернулся в свой кабинет и принялся анализировать все случившееся. Вспомнил о визите первых незваных гостей, затем о требованиях вторых и невольно подумал, что Пожарову повезло, он отбыл на тот свет еще до того, как его все это коснулось. А вот к нему, Ашоту, почему-то пришла незаслуженная беда и теперь делает свое грязное дело. Эх, зря он согласился войти в долю с этим чертовым Эдиком! Жил бы себе

сейчас спокойненько, жарил бы шашлычок и в ус не дул. Его бы совершенно не волновало, какие там проблемы у начальства. А теперь вот он сам — начальство и просто обязан придумать, как ему же остаться в живых.

Ашот встал, пересек кабинет и остановился у окна. За последним мельтешили какие-то люди, сновали туда-сюда разнообразных машины, а беззаботные воробьи нахально скакали по подоконнику, обсуждая все нелепости человеческого существования. Ашот вздохнул: похоже, придется вызывать подмогу. Одному ему со всеми свалившимися на плечи проблемами никак не справиться. И где там его приятель Величко с умнейшим песиком Графом, запросто бы отыскавшим здесь наркотики, имейся они в наличии? Где пиротехник Макс, глядящий на любую проблему свысока и никогда не унывающий? И даже немного нудноватый Валентин Грачев очень бы сейчас ему не помешал.

Мачколян отвернулся от окна и решительно направился к телефонному аппарату, уже на ходу вспомнив, что его друзья как раз должны были закончить свое дежурство в службе спасения, и если не разъехались по домам, то скорее всего отправились на свою вторую работу.

* * *

Звонок Ашота застал Величко в его собаководческом клубе, где тот дрессировал молодых собак, приучая их адекват-

но реагировать на команду «ищи». К телефону его подзвала секретарша клуба, и он незамедлительно подошел, будучи почти уверенным, что звонят из МЧС с просьбой заменить какого-нибудь заболевшего сотрудника. Александр не ожидал, что звонившим окажется Ашот, тем более такой взволнованный. Он, как, впрочем, и остальные друзья, знающие о взрыве ресторана, был уверен, что виноват во всем бывший директор и он за все уже поплатился. Следовательно, дальнейших проблем и осложнений не предвидится.

Новости же, сообщенные Ашотом, обеспокоили Александра и заставили безоговорочно согласиться отыскать остальных и вместе с ними прибыть в ресторан, не дожидаясь выхода на сутки, когда они обычно обсуждали общие проблемы и искали их решение. Сложившаяся ситуация требовала немедленного сбора.

Передав питомцев своему коллеге, Величко подзвал резвящегося со своими четырехлапыми друзьями Графа и направился за ворота. Прямо из клуба сразу отправился к телестудии, искать Максимова. Он понимал, что вызвонить Валентина будет куда проще, чем Макса, вечно находящегося не там, где ему положено быть, поэтому-то он и начал искать именно последнего.

До телестудии Александр добрался на маршрутке. Попросил разрешения у охранника пройти в каморку Макса, но упертый молодой человек потребовал от него пропуск, а не получив такового, попросил не мешать и освободить вход

для других. Поняв, что внутрь ему не попасть, Величко достал из одного из своих карманов записную книжку и стал торопливо ее пролистывать, ища рабочий телефон Андрея. Нашел он нужную запись быстро и немедленно направился к ближайшему таксофону.

Александр на ощупь отыскал в кармане телефонную карту, сунул в отверстие, для нее предназначенное, и стал набирать номер. В трубке, зажатой между плечом и ухом, что-то зашуршало, а затем донесся приятный женский голосок, заученно доложивший, что «вы попали на телестудию» и что «секретарша Елена вас внимательно слушает».

– Добрый день, девушка, – вежливо ответил ей Величко. – Будьте добры, пригласите, пожалуйста, к телефону Максима Андрея Михайловича, он у вас мастером по спецэффектам работает. Я его друг, и у меня для него срочное сообщение.

– К сожалению, Андрея Михайловича нет, – незамедлительно откликнулась та. – Он сегодня еще не приходил.

– А когда будет, не знаете? – попробовал прояснить Александр.

– Точно сказать не могу. Но он звонил утром и предупреждал, что у него какие-то важные дела, а потому он немного задержится.

– Жаль, – вздохнул Величко, мысленно пытаясь прикинуть, какие это дела могут быть у Макса, учитывая то, что дежурство его завершилось только сегодня утром. Не зная,

что еще спросить, он даже собрался повесить трубку, но девушка неожиданно добавила:

– Возможно, более точные сведения о нем может дать его коллега. Если желаете, я его вам сейчас позову.

– Будьте добры.

Девушка положила трубку на стол и куда-то пошла, цокая каблучками. Именно это цоканье и услышал Величко вслед за стуком трубки о поверхность стола. Ждать Александру пришлось недолго: уже через пять-семь минут трубку снова подняли, и хрипловатый мужской баритон гаркнул в нее:

– Да, я слушаю.

– Здравствуйте, – поприветствовал нового собеседника Величко, а затем сразу спросил: – Вы коллега Максимова?

– Ну я, – без особого интереса ответил мужчина.

– А я его друг. Мне срочно необходимо его отыскать, так как с одним из его близких людей приключилось несчастье и, возможно, требуется его помощь. Вы не могли бы мне сказать, где он сейчас находится?

– М-м-м, – замычал в трубку мужчина, то ли что-то прикидывая, то ли просто решая, отвечать или нет.

– Это очень важно, – повторил Величко, пытаясь подтолкнуть собеседника к ответу.

– Я понимаю, – шмыгнул носом тот. – Только вот Андрей придет еще не скоро, не раньше часу дня.

– А где он сейчас, вы можете мне подсказать? – немного злясь от замкнутости и скрытности собеседника, в очеред-

ной раз спросил Величко.

– Э-э, как бы вам объяснить... – принялся подыскивать слова коллега Максимов. – В общем, знаете район привокзального рынка?

– Да, – пока еще ничего не понимая, откликнулся Величко.

– Напротив него еще магазин «Архипелаг» есть, а через дорогу... – он снова замялся.

– Макс... – по привычке назвав Андрея по кличке, встал, а точнее сказать, спросил Алекс: – Он на автодроме?

– Угу, – откликнулся коллега Андрея, а потом добавил: – По крайней мере, должен быть.

– Спасибо, – коротко поблагодарил его Величко и сразу повесил трубку, только теперь поняв, почему коллега Максимов говорил так законспирированно, понимая, что если узнает об этом кто-то еще, то его товарищу несдобровать. Что ж, этого стоило ожидать. Где еще может носить этого чумного типа – сегодня же автогонки, а он этого дела большой любитель. Точнее, не самих гонок, а ставок, что на них можно сделать, а потом, если, конечно, повезет, срубить денег. Максимов вообще был из породы игроманов. Казино для него тоже было наркотиком, и если уж он туда попадал – считай, все пропало, пока до копейки не просадит, можно и не ждать.

Александр устало вздохнул, потрепал сидящего рядом с ним Графа по холке и спросил:

– Ну что, едем на автодром, вылавливать нашего горе-игрока?

Собака радостно завиляла хвостом и побежала к остановке.

* * *

На трибунах былолюдно и шумно. Напряженные взгляды устремлены на трассу, по которой на огромной скорости неслись пестрые от рекламных надписей гоночные машины.

Каждый водитель стремился опередить соперников, невзирая на опасность. Любой изъян на трассе, случайно попавший не туда камешек, отказ двигателя – все это могло стать предвестником беды. Но из-за одного только еще начинающего мелко накрапывать дождичка никто не собирался отменять автосоревнования.

И тут, неожиданно для всех, у одной машины отлетело антикрыло, за ним последовали еще какие-то части, а затем отвалилось и колесо и, с силой взметнувшись вверх, чуть не угодило в зрителей. Само авто тоже мгновенно оторвалось от земли и врезалось в бетонный отбойник. По трибунам прокатился стон ужаса, и все поспешили к перилам, несмотря на запрет комментатора.

Максимов издал горлом полухрип, полустон, поняв, что его ставка не оправдалась и он окончательно остался без денег, которые необдуманно поставил на ту самую пятнадца-

тую машину. Это был конец. Под нестройный гул толпы Андрей достал из кармана свой тонюсенький кошелек, намереваясь проверить, остались ли у него вообще деньги хотя бы на дорогу до работы. Открыл его и неожиданно обнаружил, что почти богат: из кошелька на него смотрели аж целых пятьдесят рублей.

«О, так можно поставить еще раз, – обрадовался он, все еще страстно желая поймать за хвост удачу. – Или все же не стоит?»

Тем временем трассу быстро очистили от обломков, зрители успокоились, и гонка должна была возобновиться. Макс посмотрел вниз, вспоминая, которая из машин только что была самой первой, а значит, оправдывает его надежды на этот раз...

Вот она, красавица. Рычит, подобно взбешенному животному, готовому в любую минуту броситься в бой. Она-то ему и подойдет. Максимов мгновенно принял решение. Быстро покинув свое место, он поднялся до кабины приема ставок и протянул свой последний полтинник маленькому человечку с огромными очками на носу, принимающему последние ставки перед гонкой.

– На кого ставите? – покосившись на Максимова, уточнил очкарик.

– На восемьдесят шестой, – со вздохом парировал Андрей.

– Принято, – ответил маленький человечек, черкнув что-

то у себя на листке и протянув Андрею какую-то карточку, на которой большими цифрами был выведен выбранный номер.

Андрей потоптался у окошка и неторопливо отошел в сторону. Затем до его слуха донеслись возобновившиеся крики радости, и он поспешил на трибуну, боясь пропустить начало гонки.

Оказавшись снова на своем месте, он увидел, что болиды уже тронулись, и его очередной кумир, опередив всех, уверенно несется к финишу. И хотя это был только первый круг, можно было порадоваться: еще немного – и победа обеспечена. Макс радостно подскочил и, изобразив Тарзана, поколотил себя в грудь, оглушив при этом всех находящихся по соседству диким утробным рыком. Столь бурная его реакция не понравилась какому-то накачанному парню в мокрой футболке, который помахал перед носом Максимова огромным кулаком. Больше уже Андрей этого не повторял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.